

КРОВЬ КАК ЛИМОНАД

НОВАЯ
КРИМИНАЛЬНАЯ
ПРОЗА

ДЕНИС
ВОРОНИН

18+

Криминальная проза

Денис Воронин

Кровь как лимонад

«Издательство АСТ»

2019

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

Воронин Д.

Кровь как лимонад / Д. Воронин — «Издательство АСТ»,
2019 — (Криминальная проза)

ISBN 978-5-17-112831-9

Рано или поздно он сорвется, вопрос – когда?.. Высокооктановый микс нордического триллера, городской драмы и «лав стори». Роман о борьбе за жизнь. О «драконе с татуировкой девушки». О независимом расследовании копа-эпилептика. О краеведах-лудоманах, фриковатых киллерах и ребятах с нашего двора, всегда готовых прийти на выручку. О промзонах, где легко спрятать труп, и о больницах, где можно найти отрубленную голову. Никакой пощады читателю – аритмичный синтаксис, оторванные ото сна часы в переживаниях за героев и загубленные нервные клетки после финальной точки.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-17-112831-9

© Воронин Д., 2019
© Издательство АСТ, 2019

Содержание

1. Быстрые тачки	7
2. Кета	17
3. Стаф	26
4. Евробэйби	39
5. Назидание	46
6. Дракон с татуировкой девушки	53
7. Фарт	58
Конец ознакомительного фрагмента.	61

Денис Воронин

Кровь как лимонад

Софии, которая, наверное, знает эту книгу наизусть

– Бабушка Саида! – слышит она звонкий ребячий голос. – Бабушка Саида! Тебя ищут!

Она оборачивается и видит, как из-за угла дома выскакивает Юсуф, внук Бати, которую Саида знает, кажется, всю жизнь. Мальчишка худенький и выглядит младше своих восьми лет. Темноволосый, смуглый, со сбитыми коленями. Очень славный. Учится на четверки, помогает Бати нянчиться с Зейнаб, своей младшей сестренкой, и по хозяйству, пока его отец и мать работают на «Дагдизеле», кормят семью.

Юсуф останавливается перед Саидой, запрокидывает голову и выпаливает:

– Бабушка Саида, знаешь что? Там тебя какой-то дяденька ищет. Приходил в ту квартиру, где ты раньше жила. Я сказал, что ты здесь.

Саида улыбается, ласково гладит мальчика, взъерошивая ему волосы. Говорит:

– Спасибо, Юсуф.

– Он сюда идет! – говорит мальчик и убегает, словно его подхватывает порыв теплого весеннего ветра.

Саида глядит ему вслед. Вздыхает. Ее внуки чуть старше Юсуфа. Она видела их два раза, когда приезжала в гости к сыну. Ну и еще на фотографиях. На ярких цветных снимках они почти никогда не смотрят в объектив. Сразу понятно, что постоянно возятся и взбрыкивают, как жеребята. Хорошие фотографии и хорошие внуки, но Саида не видела, как они растут, не сидела над ними по ночам, когда они болели, не рассказывала им сказки. Плохо, когда в старости живешь одна. Не по-человечески. Но так же не по-человечески было бы и уехать вместе с семьей сына из тех мест, где она прожила всю свою жизнь, где родила одного – больше Аллах не дал – ребенка, где похоронила мужа. Куда давным-давно, когда этот город еще был просто поселком Двигательстроем, приехал ее отец и познакомился здесь с молодой, веселого нрава красавицей аваркой, ее матерью.

Как ни просили сын с невесткой ехать с ними, отказалась. Что ей делать в чужом городе на море, где даже вода несоленая, потому что оно и не море вовсе?

Свою землю и табун знает.

– Здесь! Здесь она! – это непоседа Юсуф уже обежал вокруг дома и ведет того, кто ее ищет.

За Юсуфом идет молодой парень в красно-желтом рабочем комбинезоне с надписью: «DHL». В руках у него большой толстый конверт – скорее маленькая бандероль, чем письмо.

– Добрый день. Багаутдинова Саида Ильдаровна? – спрашивает парень, подходя.

Женщина кивает, а Юсуф выкрикивает:

– Это она, это бабушка Саида!

– Юсуф-джан, – говорит она, – не кричи, будь хорошим мальчиком.

– Адрес указан другой, – замечает курьер. – Паспорт у вас есть?

– Дорогой, – улыбается Саида, – откуда у меня с собой паспорт? Дома лежит. А адрес у тебя написан – дом семнадцать, квартира девять. Я раньше там жила, теперь перебралась сюда, по соседству. Сын уехал, а мне зачем одной большая квартира? Вот и поменялась. А тот, кто прислал посылку, этого не знал. Наверное, давно здесь не был.

Курьер качает головой, давая понять, что ему это неинтересно, а работа есть работа.

– Я могу сходить за паспортом, – предлагает Саида.

Курьер смотрит на нее. Пожилая женщина, сколько времени она будет ходить? А у него еще полно дел.

– Ладно, – говорит наконец он. – Я отдам вам конверт, а вы распишитесь и расшифруйте подпись, только полностью, пожалуйста.

Он передает Саиде конверт – из плотной желтовато-серой бумаги, легкий, почти невесомый. Что в нем такое? На самом конверте напечатан адрес отделения, откуда отправлена посылка. Саида разбирает только последние слова: «La Habana, Cuba». Расписывается в квитанции курьера, сожалея, что не взяла с собой из дома денег. По-хорошему, надо отблагодарить парня. Но тот не ждет вознаграждения – просто отрывает и отдает Саиде копию квитанции, кивает на ее благодарности, говорит:

– До свидания!

– Всего доброго, – улыбается Саида, а Юсуф бежит за курьером и кричит:

– До свидания! До свидания!

Потом он возвращается к Саиде и спрашивает, указывая на конверт:

– Бабушка Саида, а что там?

– Не спеши, Юсуф-джан, – делает строгое лицо Саида. – Торопливая муха в молоко попадает. Приду домой, открою. Вечером тебе и бабушке твоей расскажу.

– Бабушка же на базар ушла, – сердито произносит Юсуф. – Но к вечеру вернется. Хорошо! А я пока побегу к ребятам!

Он уносится. Саида смотрит ему вслед, снова улыбается.

Она заходит в дом, поднимается в свою квартиру. Снимает обувь, проходит на кухню и читает, что написано на конверте. Имени отправителя нет. Саида пожимает плечами и распечатывает конверт. Из конверта выпадают куски упаковочного гофрокартона, потом у Саиды на ладони оказывается цилиндр из прозрачного пластика. Небольшой, вроде баночки мыльных пузырей, которые она на той неделе покупала Юсуфу. Внутри цилиндра переливается налитая не до самого верха вязкая жидкость и что-то плавает – как рыбка в аквариуме. Что-то вытянутое, бледно-розового цвета.

Как палец.

Внимательно приглядевшись к предмету, Саида трясущимися руками ставит пластиковый цилиндр на стол. Отодвигает от себя. Глотает воздух пересохшим ртом. Это такая шутка? Ей говорили, что в больших городах есть магазины со всякими похожими штуками – вроде резиновых собачьих какашек. Может, это тоже ненастоящее?

Она осторожно приближает пластиковый цилиндр к себе. Внимательно разглядывает его содержимое. Замечает короткие черные волоски и вздрагивает, понимая, что это не игрушка.

На столе у нее – отрезанный человеческий палец.

1. Быстрые тачки

С Джонни Деппом он познакомился в четверг, в последний день сентября. Случилось это на Будапештской, в одном из купчинских дворов. Жека подошел к нему со спины и, когда Джонни Депп обернулся, опечалил его деревянной ножкой стула по голове.

* * *

Тем утром он проснулся с головной болью и неприятным воспоминанием о вчерашней высокомерной, клинически высокомерной – ну вот прямо держательница трастового фонда или невеста принца Брунея – «спасибо, что проводил» – суке. Морщась, прошел на кухню. Две таблетки ибупрофена залил двумя чашками свежесваренного крепкого кофе. Головная боль понемногу отступила.

Из окна были видны желтое, как разбитое яйцо, холодное солнце и безоблачное синее небо, рухнувшее на город. Придавленные космосом машины голосили в пробке на Ленинском. Подумалось, что хорошо бы выйти из дома и пройтись до магазина – не за продуктами, а для процесса, чтобы подышать воздухом и размяться. Вчера Жека нарушил одно из своих правил – не пить перед работой. Так уж получилось. Ну, себе дал слово, у себя же и забрал. Принципы иногда надо нарушать, иначе от них нет никакой радости. Но голову все равно стоит проветрить.

Да и молоко почти кончилось.

Он натянул купленные на итальянских распродажах синие, с потертостями, чуть мешковатые джинсы и коричневую кенгуруху с эмблемой нелюбимого (постоянная изжога от него) «Jack Daniels», на ноги – «гриндерсы» из как бы поколупанной от старости черной кожи. Пригладил рукой короткие волосы. Почистит зубы и побреется потом – когда вернется.

На улице было прохладно. Слабый ветерок гонял по асфальту опавшие кленовые листья. Возле подъезда какой-то незнакомый чувак – снимающий или только что купивший в этом доме квартиру – возился с запаской своего «Форд-Фокуса». Обернулся на Жеку и вернулся к своему занятию. Жека оценивающе пригляделся к «феде». Тачка из тех, которые покупают в кредит по правительственной программе. Пока пять лет делаешь взносы, машина превращается в ржавую помойку с движком, требующим капремонта. Жену-толстуху в гипермаркет на такой отвезти еще можно, а вот приглянувшуюся новенькую коллегу из соседнего отдела в боулинг – уже как-то стремно.

На дальнем конце двора маячила худая длинная фигура – Восьмибитный слонялся с Галстук. Жека подошел поздороваться.

– Привет.

– Э... Привет...

Галстук – спаниель песочного цвета – дружелюбно тявкнул и с интересом уставился на них.

– Э... Жека, сигой угостишь? – кротко улыбнулся Восьмибитный.

– Нет у меня, я же бросил.

Они посмотрели друг на друга. Жека вспомнил, что уже пару раз говорил об этом Восьмибитному, но, пока тот запомнит, Жека опять развяжет с никотином. Замкнутый круг. Долгое время он думал, что прозвище Восьмибитный означает разрядность мозга его обладателя. Парень был вроде деревенского дурачка: ума хватало только на то, чтобы гулять с собакой, но потом Жеке объяснили, что дело в телосложении парня. Тот был худым и длинным, как, наверное, восемь бейсбольных бит, поставленных одна на одну. Жил с бабушкой и дедом, вышед-

шим на пенсию мореманом, не один десяток лет ходившим помощником капитана по Северному морскому пути. Теперь бывший морской волк проводил все свободное время, смотря на предельной громкости «Дом 2» и канал «Нэшнл джеографик», невзирая на жалобы соседей, а его внук во дворе пересказывал всем, кто готов был слушать, передачи о зверях, путешествиях и изобретениях.

– Что нового? – поинтересовался Жека.

– Э... Да Галстук вот, зараза, жрет каждый день. Бабушка ругается, говорит, что денег нет, а он ест и ест... – все это без иронии или усмешки, на полном серьезе. – А ты как?

– Ну, – пожал плечами Жека, – курить вот бросил.

– Это хорошо. Знаешь, тоже хочу. А то ведь вредно... Думаешь, получится?

– Главное – сильно захотеть.

– Ага! – закивал головой Восьмибитный. – Только курить сильнее хочется... Слышал, что... Эти... Американцы отправили спутник на Марс?

– Да? Вот услышал... Ладно, пойду я.

Жека потрепал по голове собаку – та завилала хвостом – и двинулся к выходу со двора.

Пробка на проспекте понемногу рассасывалась, и пришлось ждать зеленого сигнала светофора, чтобы перейти проезжую часть.

В минимаркете, который держала семья армян, он на какое-то время замер перед полками с молочкой. Хотелось чего-то натурального, а не просто веселых коров на упаковке. После нескольких минут мучительного выбора с литровой коробкой пастеризованного молока в руке подошел к кассе. В углу возле кассы стояла сваренная из прутка-«десятки» клетка, уменьшенная копия тех, где подсудимые ожидают приговора судьи. На запирающейся на замок дверце – табличка с надписью: «Я хотел украсть в этом магазине, а теперь сижу и жду полицию». В клетке стояли ящики с яблоками. А на кассе работала девчонка с района, с которой одно время встречался Пряник. Как ее звали, Жека не помнил.

– Приветик, – сказал Жека, ставя на кассовую ленту молоко.

– Приветик, – улыбнулась девушка.

– Давненько тебя не видел.

– Я в Турцию с подружками летала.

– В Турцию? Клево!

– Да, очень понравилось. Море там такое...

– Ага... Еще пачку «Петра», пожалуйста... Загар тебе очень идет... Турки, наверное, за тобой там только и пришлепывали, да?.. А я так все лето в городе проторчал. Хорошо, хоть кондиционер дома поставил... Да не надо копеек... Слушай, а что, яблоки хотели украсть? Утку?.. Ага, пока.

Проклятый светофор, похоже, на неопределенный срок завис на красном. А машины уже летят – так, что и не перескочишь. С покупками в руках Жека стоял у пешеходного перехода. Почему-то загорелая кассирша напомнила ему вчерашнюю новую знакомую. Ее злые, как пластинка «Prodigy» «The Fat of the Land», глаза и насмешливая улыбка, сраными любовными пулями пробивающая его тело. Ну и угораздило же!.. Жека шагнул на дорогу и очнулся от резкого визга тормозов. Дымя резиной, перед ним остановилась черная «мазда». Жека запоздало отскочил обратно на тротуар, а водитель – похожий на банковского клерка и примерного семьянина немолодой шпак в пиджаке – опустил стекло и испуганно заорал ему:

– Ты охренел под колеса лезть?

– Извини, мужик, – примирительно помахал Жека свободной рукой. – Задумался. Влюбился тут в одну козу... Молока хочешь?

– Влюбился он, – проворчал водитель и дал по газам.

Повезло еще, что у кекса хорошие реакция и тормозные колодки, а то бы сейчас укувыркался весь переломанный за сто метров и валялся бы, пока ангелы не ухватили бы за капюшон и не потащили к себе на небо.

Во дворе Восьмибитный с Галстуком общались с Валерием Ивановичем – старичком, всю жизнь проработавшим слесарем на Кировском заводе, но теперь почему-то втиравшим, что он был запасным в Отряде космонавтов. Этот с удовольствием послушает Восьмибитного про марсианскую экспедицию. Галстук подался было к Жеке, но хозяин дернул поводок назад. Жека поздоровался с Валерием Ивановичем и протянул Восьмибитному (кажется, его Толиком зовут?) пачку «Петра».

– Э... Спасибо, – сказал тот.

– Я говорю, что нужно бросать курить, а ты ему отраву в рот суешь! – крикнул вслед Жеке бывший слесарь-космонавт и уже тише, отвернувшись: – А ну-ка, дай и мне... У-у-у, хороший пес...

– Жек! – окликнул его кто-то у самых дверей подъезда.

Он обернулся. Горец – высокий, выше даже Восьмибитного – бывший Жекин одноклассник, живущий в их доме. Скуластый, патлатый, в камуфляжных штанах, с рюкзаком за спиной. В руках он держал выкованную из серого блестящего металла розу.

– Здоров!

– И тебе! Ты куда это таким садовником?

– К Полинке. Хочу ей розу подарить, позвать в киняшку... Пропустишь, чтобы не звонить по домофону? Сюрприз устрою.

– Давай, – Жека придержал дверь, пропуская Горца. – Где такой цветочек миленький взял? С кладбища упер?

– В кузне выковал. Аронич немного подмог, а так – сам... Нравится?

– Главное, чтобы Полинке понравился, – дипломатично увернулся от ответа Жека.

– Но оригинально ведь, да? Намекает на мои к ней железные чувства, все такое...

– Это точно. Только в вазу не ставьте – разобьете еще или хрусталь поцарапаете. И роза заржавеет... Как чувства...

– Если выгонит, я к тебе зайду, можно? – сказал Горец в спину поднимающемуся на этаж выше Жеке. – Заодно книжку отдашь.

– Какую? – не смог вспомнить Жека.

– Про пороховых магов. Уже год, как читаешь.

– А, если год, тогда прочитал, наверное.

Дома сразу, пока не забыл, Жека поискал книгу. Не нашел. Про пороховых магов? Он не помнил, чтобы читал такое. Ладно, потом найдет. Горец все равно не зашел.

Стоя в душе под сильными струями воды, окончательно очищающими голову, Жека размышлял – как скоротать время до вечера. Вырисовывался вариант засесть за «Red Dead Redemption». Скоро уже выйдет вторая часть, а он все с первой возится. Еще в школе учителя говорили, что ему не хватает усидчивости. Или стянуть с торрента и посмотреть пару серий «Дэдвуда» – сериала, про который ему рассказал Горец? Но тут другая проблема – получится ли скачать? Своего доступа в сеть у Жеки не было. Зачем, если всегда найдется парочка соседей, не защищающих паролем свой вай-фай? Правда, сейчас они могли быть и на работе. Вытираясь большим махровым полотенцем, Жека решил все-таки врубиться в «лошадь и револьвер». Скитаясь по виртуальным каньонам и отстреливая из цифрового винчестера как хороших челов, так и покусившихся на его добро негодяев, он время от времени поглядывал на часы. Не презевать бы...

В себя он пришел, когда серые пальцы осенних сумерек коснулись занавесок. Взгляд на часы – он уже опаздывал. Быстро собравшись, Жека натянул худи, сунул в рюкзак с вещами ключи и вышел. В магазине, куда заходил утром (знакомой кассирши не было видно), взял

банку энергетика. Открыл ее, шагая к автобусной остановке. Энергетик шипящим, странно пахнущим драконом полился в желудок, еще на шаг приближая Жеку к язве.

Поездка на общественном транспорте в час пик – кошмар наяву. Усталые некрасивые люди едут с работы, чтобы съесть какой-нибудь еды, помочь сделать детям уроки, повтыкать перед телевизором или компьютером – вроде как отдохнуть – и лечь спать в полпервого ночи, чтобы завтра в шесть или в семь утра быть разбуженным будильником.

Автобус тряхнуло на ухабе, и инерция впечатала Жеку в какого-то работягу, одной рукой висевшего на поручне, а другой сжимающего бутылку пива. Пиво выплеснулось на сидящую у окна тетку. Та громко заругалась. Мужик стал оправдываться и переводить стрелки на Жеку. Вот же козлище. «Завали-ка хлебало», – хотел сказать ему Жека, но передумал. Мужик был вдвое крупнее. Еще найдет коса на камень. Пивной продолжал что-то гундеть, как пчела, накрытая жестяным ведром. В этот момент Жека нашел выход. Повернувшись к мужику, сказал с жутким акцентом:

– Ю вуд хэв брот э плейт оф суп энд эйт ит, скамбэг! (Ты бы еще принес суп и ел бы его здесь, мудака!)

И стал протискиваться к дверям – автобус подъезжал к его остановке. Краем глаза увидел, как улыбнулась стоявшая рядом с ними пожилая женщина, похожая на работника библиотеки или учительницу. Услышал за спиной голос пивного:

– Понаехали, бля!

* * *

Любовь к скорости и – особенно – к быстрым механизмам появилась у него в детстве.

Сразу, когда он в первый раз сел на новенький «орленок» и, с трудом удерживая равновесие, неуверенно закрутил педали. Потом двоюродный брат, который жил в деревне, сажал его на мотоцикл «Восход» у себя за спиной, и они мчались по сельским и лесным дорогам. Ему нравились чувство скорости и запах бензина, нравилось, обхватив спину брата, выставлять голову навстречу ветру и пролетавшим мимо деревьям. Ощущение опасности, приправленное детским восторгом.

В городе мотоцикла не было. Мопеды, на которых ездили старшие пацаны, его не привлекали. Медлительные, часто глохнувшие «риги» казались Жеке транспортом, предназначенным для бородатых рыбаков с рюкзаками за плечами. Велосипеды с моторчиками. Но с их помощью можно было накопить на мотоцикл. Жека с одним товарищем стал угонять мопеды. Оказалось, что это не сложно. Едешь в чужой спальный район вечером и гуляешь по дворам, где на скамеечках сидят старушки, дети гоняют мяч, а ребята постарше, по виду и по повадкам – пэтэушники, возятся со своими железными... Не сказать конями, скорее – железными «ослами». Это сравнение придумал его приятель, и Жеке оно нравилось. Мопеды были железными «ослами», а их хозяева, которых они беззастенчиво лишали собственности, – просто ослами. Бродя между многоэтажками на Ветерках или на Уделке, Жека с приятелем выслеживали, куда «ослов» загоняют на ночь. По большей части их хранили в подвалах за навесными замками или на лестничных площадках. Даже смешно. Чтобы угнать «осла», требовалась только смелость. Главное, чтобы никто не увидел, как ты выкатываешь мопед из подъезда. Они воровали «осла» в Озерках, по сходной цене продавали его где-нибудь на Дыбенко, а через месяц-полтора, если все складывалось, крали его у нового хозяина. Такой вот нехитрый метод.

Вскоре мотоцикл, еще год назад казавшийся таким желанным, уже не был ему нужен. Во-первых, обязательно угонят какие-нибудь крендели вроде него самого. Во-вторых, жажду скорости заменил адреналин криминала. В-третьих, он решил копить на автомобиль.

Они обдeldывали свои делишки нечасто – пару раз в месяц, были осторожны, и их так и не поймали. Со временем Жекин товарищ купил стереосистему и электрогитару и отошел

от их, как ни крути, рискованного бизнеса. Жека нашел другого компаньона. Подтянутый к делу двоюродный брат был здоровым бугаем и хорошо умел драться. Однажды летним вечером его навыки пригодились. Жека с Димасом по-быстрому сбили навесной замок, на который закрывался подвал в одном из домов на улице Красных Десантников, где стояла рыжего цвета «верховина», и, подсвечивая себе фонариком, вытащили мопед на улицу. Тут из дверей дома выскочили трое и с криками: «Вот же гады! Ворье!» – накинулись на них. Будь Жека один, он бы бросил «осла» и кинулся бежать, спасаясь от побоев, но с ним был Димас. Он врезал одному из нападавших так, что тот полетел на землю и остался лежать, поскуливая и зажимая разбитый нос. Второму Димас двинул в солнечное сплетение, и он схватился за грудь, по-рыбьи широко и беззвучно разевая рот. Третий нападавший явно не был хозяином «осла», потому что позорно смылся, серьезно подпортив себе репутацию и карму. Оставив поверженных врагов на поле боя, они выкатили «верховину» со двора. Когда мопед, жалобно кряхтя двигателем, неспешно повез их прочь, Жека сделал выводы. Оказалось, что необязательно совершать угон в темноте и тишине. Можно и среди бела дня, если знаешь, как разобраться с владельцем.

Через полгода Димас ушел в армию, а Жека решил выходить на новый уровень. Он сдал на водительские права. Купил для практики подержанную «пятерку». Пошел на курсы экстремального вождения. Хук правой поставил ему один чел с района, который ходил в секцию бокса, пока не подсел на «герыч». Года три уже прошло, как его закопали.

Пооколачивавшись возле задрипанных разборок и «шинок» в переоборудованных гаражах, где работали, по большей части, одни чуры, Жека обзавелся потенциальной клиентурой.

Первым в стиле GTA он увел старенький шестисотый «мерседес» белого цвета. На «мерсе» ездил интеллигентного вида мужчинка, похожий не то на театрального актера, не то на преподавателя вуза. Особого сопротивления с таким можно было не опасаться. Было только немного стыдно от своего черного как ночь замысла – как коренному, в четвертом поколении, жителю культурной столицы. Когда посланный в нокдаун профессор (или все-таки артист?), всплеснув руками, упал на землю рядом со своими разбитыми очками, Жека почти собрался бросить все и ретироваться, написав извинения на лобовом стекле. Или все-таки уехать, сгорая со стыда, но перед этим в качестве компенсации, скажем, с выражением прочесть стихи над отключившимся хозяином. Что-то вроде: «Спинка стула, платица без плеч. Ни тебя в них больше не облечь, Ни сестер, раздавшихся за лето. Пальцы со следами до-ре-ми. В бельэтаже хлопают дверьми, Будто бы палят из пистолета». Он пригнал «мерс» в бокс на Полуостровском в темноте, почти ночью. Ему навстречу вышли четверо кавказцев. Один, восхищенно цокая, сел за руль. Тот, с кем Жека несколько дней назад договаривался о цене, заплатил меньше половины обещанного, сетуя, что «брат, денег сейчас совсем нет, подъезжай через неделю, брат». Жека подъехал под утро с железной двадцатилитровой канистрой бензина. Облил перпугую арматурой, чтобы нельзя было открыть, дверь и одну из стен бытовки, в которой ночевали кавказцы, и стоял с зажженной китайской копией «Zippo» в подрагивающих руках, вдыхая высокооктановые пары, пока из окна ему не выкинули оставшиеся деньги. Все эти длинные минуты где-то внутри Жеки пульсировали застрявшие слова: «Дрова, охваченные огнем, – как женская голова ветренным ясным днем»...

Теперешнюю тачку он выслеживал несколько дней.

Аббас дал ему наводку и две недели на подготовку. По его словам, на «лексусе» стояла настолько агрессивная охранная система, что к ней не стоило соваться. Требовалась работа по Жекиному профилю – угон на отрыв. Терпила открывает дверь автомобиля, выходит сам. В этот момент ты его и вырубашь. Тут главное, чтобы ключи под машину не улетели. Пока водитель проморгается, пока наберет «02» – тачка уже тью-тью. Жека считал, что его угонам не хватает изысканности, но ведь всегда чего-то не хватает, да? Главное, что есть идеал, к которому можно стремиться.

Получив от Аббаса адрес владельца машины, Жека приехал туда засветло и долго гулял, изучая соседние дворы, запоминая расположение «карманов» и дорожек из разбитого асфальта. Дождлся темноты. Фонарей рядом не было, только горела тусклая шестидесятиваттная лампочка у подъезда. Чел на нужном ему «лексусе» подъехал ближе к девяти вечера. Парковочные места возле дома были все уже заняты, и тип оставил машину прямо на газоне. Сама жертва готовящегося преступления была среднего роста и телосложения, больше в темноте не разберешь, но этого хватало. Фактура не особо спортивная, так что проблем возникнуть не должно.

Единственная незадача – присутствие рядом с водителем девушки. Все равно что женщина на корабле – жди беды. Наверняка заорет что-то вроде «Караул!». Того и гляди, начнет путаться под ногами, тогда придется наподдать и ей. Бить женщин Жека не любил. Однажды такое случилось, когда он забирал новенький «паркетник» у гламурной кисы с Новочера, но гордиться этим ему в голову не приходило. Особенно учитывая то, что развыпендривавшейся фифе на шоколадного цвета «тойоте» он, видимо, сломал нос. Можно, конечно, обойтись и без мордобоя: припугнуть на словах или приставить нож к горлу. А вдруг цаца окажется не из пугливых и начнет выступать? Кстати, ножи Жеке и самому не нравились – такие острые, что еще порежешься. Да и психологически угон с ножом как-то больше тянет на серьезное преступление. Еще и отклоняешься от отработанной до автоматизма схемы – паттерн и все такое. Так что оставалось надеяться на то, что дамочка – какая-нибудь случайная знакомая, и в день икс ее в тачке не будет. Не повезло. Жена или постоянная девушка сидела в салоне «лексуса» и назавтра, и напослезавтра. Значит, дать в бубен водителю; возможно, понадобится второй удар. Грязный окоп Жекиной памяти выдал ему одного стойкого героя, который выключился лишь после четвертого удара. Пока обегáешь машину, краля поднимет крик. Ну, подбежал, вырубил ее. Тут уже кто-то из окон палит, сосед из подъезда выходит выгулять добермана, да мало ли что еще... А тебе надо вернуться обратно к водиле, найти ключи в темноте... Суешь их в замок зажигания, а руки уже трясутся – не попасть. Спущенный с поводка доберман рвет покрышки, резко подоспевший отряд спецназа с грозными криками окружает «лексус», тот еще и не заводится – так оно и случается. И не только в кино. Решил подзаработать немного денег, а сам присел на пять лет – глупо и непрофессионально выглядит, верно?

Что так, что эдак – все нехорошо. Оставалось понадеяться на удачу. Очень даже по-русски. И пускай кто-нибудь еще хоть раз скажет, что он еврей. А ведь находятся такие. Особенно если узнают, что девичья фамилия его матери – Раппопорт.

* * *

Воткнув в уши «капли» вакуумных наушников, в которых тревожно звучал саундтрек ночных промзон от сумрачного электронщика Anklebiter, Жека поджидал «лексус». Чтобы не маячить под окнами дома, отошел подальше и встал за огораживающую мусорный контейнер панельную плиту.

Не спеша прошли двое студенческого возраста. Потом из соседнего подъезда выбрел мужик с тяжелым мусорным мешком и направился к контейнеру. Не доходя до контейнера метра три, размахнулся и бросил мешок. Задел за металлическую крышку, часть мусора высыпалась на землю. Вот же баскетболист.

Мужик двинулся мимо стоявших друг за другом машин, одна из них вдруг квакнула отключенной сигналкой. Жека замер. То, что он увидел, ему не понравилось – и это еще слабо сказано. Баскетболист сел за руль обветшалого «фольксвагена», казалось, уже пустившего корни в землю.

Пусть он просто достанет из-под сиденья значенную от жены бутылку пива, подумал Жека, выпьет ее в несколько глотков, выкурит сигарету и вернется домой, где по телевизору идут «Интерны».

С нездоровым тарактением завелся двигатель, и, зажатый с обеих сторон, баскетболист стал неуклюже топтаться на месте, переключая руль.

Жека не верил своим глазам. Поморгав ему стоп-огнями, «гольф» выехал со двора.

Ближнее к подъезду, где жила потенциальная жертва, парковочное место оказалось свободным. И чего теперь? Поставит водитель «лексуса» машину на привычный заезженный газон или польстится на кусок асфальта перед самыми окнами? Какой у них тут этикет? Жека, без вопросов, кинул бы тачку сюда. И тогда на выезде, вместо того, чтобы утопить педаль газа, вырулить на угнанной машине в соседний двор, по касательной пройти его и по широкому – разъедутся легковушка с фурой – «карману» рвануть на проспект Славы, придется в три приема сдавать с парковочного места и разворачиваться на узкой полосе, чтобы попасть на проработанный маршрут. Будто мало ему забот с пассажиркой.

Жеку пробил холодный пот. Понадеяться на удачу, говорите? Да уж, план как из мультика про Леопольда.

Сколько времени?

Без двадцати девять. Вот-вот нарисуеться заказанный «лексик».

Выдергивая из ушей наушники, Жека лихорадочно соображал. А если не разворачиваться? Он вспомнил путь отступления в другую сторону. Врагу не пожелаешь. Этот дом, за которым другой, скрючившийся буквой «Г». Все свободное место в районе изгиба заставлено машинами. Понабрали в кредит, суки. Выезд за скрюченным домишкой перекопан, через траншею перекинута мостки для пешеходов. «Приносим свои извинения за временные неудобства. Спасибо за понимание. Работы ведёт...» Ближайший выезд на сторону фасада только у следующего, свежестроенного здания. Заноза, проплаченным планом уплотнительной застройки воткнутая в задницы жителям местных хрущевок. И в Жекину, получается, тоже. Обладатели свежих квадратных метров вселяются; перед домом, перегораживая дорогу, останавливаются «газели» с мебелью и стройматериалами, можно и прилипнуть. Не вариант. Очевидно, советские архитекторы микрорайона не предвидели сложившуюся сегодня вечером ситуацию.

Огни фар. Во двор въехала машина. В свете слепящей лампы у первого подъезда Жека разглядел желтого или зеленого цвета «Хендай-Гетц».

– Давай-давай, малышка, – прошептал Жека, наблюдая за тем, как «хендай» медленно катит вдоль дома. – Я для тебя тут местечко грею.

Девушка за рулем увидела свободное место и принялась по-женски боязливо парковаться.

Без десяти девять. Можно выдохнуть.

Улыбаясь, он вспомнил однажды случившуюся с ним историю. Пора забирать машину, владелец которой уже выключил мотор, – а Жеке приспичило на горшок. Секунду назад все было нормально, а сейчас он чуть ли не руками сдвигает ягодицы, чтобы между ними не вывалилось постыдное. И выбор прост: либо это авто сегодня мимо (а завтра запланирован новый угон; жесткий график – того и гляди, сгоришь на работе), либо вырубить водителя, прыгнуть в новенький джип, попутно поднавальной в штаны и гнать в таком состоянии через полгорода. И вдруг внутренности резко отпустило. Это решило дело. Жека налетел на мужика, вылезавшего из салона с дурацкой борсеткой в руке. Дальше все пошло на автомате. Но пять минут спустя, когда джип мчался в сторону моста Александра Невского, Жекины внутренности напомнили о себе вновь.

– Ой! – сморщился Жека. – Черт!

Следовало остановиться и поискать кусты – и чем скорее, тем лучше – а там будь что будет. В метрах трехстах впереди показался скверик, отделявший жилой массив от Дальнево-

сточного проспекта. Жека резко, без поворотников принялся перестраиваться в правый ряд. Ему в спину обидно погудели.

– Извините – извините – извините, – шептал Жека, прибываясь к тротуару и включая аварийку.

Он схватился за ручку, чтобы открыть дверь, и понял, что до спасительного сквера ему не успеть. Вот и пообедал в общепите. С вытаращенными глазами и матерным шепотком Жека судорожно перебрался на сиденье рядом с водительским, одновременно расстегивая ремень джинсов. Из последних сил встал на ноги, скрючившись и оттопырив задницу над креслом из натуральной черной кожи. И расслабил мышцы, надеясь, что получится кучка, а не лужица. Не повезло. В тачке резко завоняло, и Жека нажал на кнопку стеклоподъемника, опуская боковое стекло. Шум вечернего города ворвался в салон вместе со свежим воздухом. Прикрывший глаза Жека подумал об очередной проблеме – чем-то надо потереться. Открыл бардачок, в котором лежали несколько компакт-дисков, полупустая пачка «Винстона» и бесплатный рекламный журнал об оказании секс-услуг. Как нежный любовник, Жека погладил обложку. Глянцевая. Наугад развернул журнал. Тоже глянец. Ноги уже начинали затекать в неудобном положении. Сделав брутальное, как ранние хиты Дельфина, лицо, Жека натянул штаны; скрючившись, постоял несколько секунд, прислушиваясь к ощущениям, и неловко сел на свое прежнее место. Стараясь не смотреть на соседнее сиденье, обернулся назад. Вот оно – оставленная ребенком большая мягкая игрушка на заднем сиденье.

– Ничего личного, чуви, – сказал Жека, схватил синего плюшевого дракона за морду, перетащил через спинки кресел и усадил рядом с собой.

Поерзал задом дракона по кожаной обивке, потом пристегнул игрушку и, не поднимая стекла, тронулся с места.

– Что, под себя уже ходишь? – спросил он у дракона.

Через двадцать минут он заехал в расположенный в бывшем заводском здании бокс, где его поджидали работавшие на Аббаса узбеки. Темир, немолодой бородатый бригадир, улыбаясь, подошел к джипу и нагнулся к опущенному стеклу.

– Привет, Жека-джан! – его взгляд скользнул по пристегнутой плюшевой игрушке, и он протянул, сокрушаясь. – Э-э-э... Нехорошо, ребенка обидели. Ящерницу забрали!

– Это дракон, – посмотрел на него Жека.

– Знаю, что дракон. В «Прогулке с динозаврами» такого показывали, да? В «Юрском парке». И в зоопарке я их видел, – сказал Темир и вдруг стал водить носом, принюхиваясь. – А чем это пахнет?

Жека пожал плечами:

– Освежитель воздуха у него фирменный, японский. Может, он?

– Может, – задумчиво сказал Темир, – но пахнет, как насрала, слушай. Вот ведь япошки...

– Ладно, держи вот, – Жека протянул Темиру журнал с проститутками и вышел из машины.

– Э-э-э, Жека-джан! – просиял Темир. – Красавчик!

Когда Жека следующим вечером появился на свежей «камри», узбеки стояли вдоль кирпичной стены и мрачно смотрели на него. Прямо расстрельная команда.

– Чего вы, парни? – спросил у них Жека.

Темир сделал знак, и самый юный, бывший на побегушках и на «подай-принеси», отделился от стены, подошел к «камри» и, заглянув внутрь, внимательно оглядел салон и, шевеля ноздрями, понюхал воздух.

– Чего вы? – прикидываясь шлангом, повторил Жека...

Улыбаясь, он вспоминал тот случай и наблюдал, как девушка из «гетца» идет вдоль дома и ищет в сумочке, наверное, ключ от домофона. Наконец скрылась в подъезде.

Освещая темноту перед собой желтым светом фар, во двор почти бесшумно заехал «лексус» LS 460. Жекин «лексус».

Он еще раз проверил в кармане фонарик, который мог пригодиться, если придется искать упавшие ключи.

После короткой паузы машина вскарабкалась на поребрик и зашуршала опавшими листьями.

Все, счет пошел на мгновения. До машины – метров двенадцать. Их Жека рассчитывал преодолеть по вытоптанной собачниками тропинке между кустами и чахлыми березами секунд за восемь-девять. Водителю, чтобы заглушить двигатель, выключить фары, сказать спутнице дежурную фразу вроде «вот и приехали», взять свои вещи, открыть дверь и выйти на улицу, понадобится секунд двадцать – тридцать. Очень важно правильно рассчитать, чтобы оказаться у «лексуса» вовремя.

Пройдя половину пути, Жека замедлил шаг, вглядываясь, не надумал ли автолюбитель позвонить кому-нибудь, не выходя из салона. Вроде нет. Фары погасли.

Как сглазил. В кармане у Жеки завибрировало, и в темноте громогласно заиграл гимн СССР – рингтон, установленный на один-единственный номер. Мать! Мать-перемать! Ну какого хера? С музоном, играющим из штанов, он не сумеет незаметно подобраться к водителю. Трясущимися руками Жека выковырял из кармана купленный на районе у одного мало-знакомого хоря айфон. Быстрее отклонить вызов. Указательным пальцем – на кнопку с красной трубкой. Хариус, тот самый кекс с района, всегда казался Жеке сомнительным, но еще более сомнительным оказался взятый у него айфон, который после нажатия кнопки сброса принял вызов, вдобавок включив громкую связь.

– Женя! Женя! Алло! Женя! – донесся до Жеки из динамика далекий голос матери.

Он надавил красную трубку сильнее – в надежде на лучший эффект. Безрезультатно.

– Алло! Ничего не слышу!

– Мама, я перезвоню. У меня дедлайн! – сказал Жека.

Водитель уже вышел из машины, с другой стороны хлопнула дверь его подруга или кто она там.

– Что дед? Что он опять натворил? – встревоженно спросила мать.

– Мама, я занят, не могу говорить.

– Сына, не можешь матери уделить одну минуту? – вопрос явно риторический. – Раз уж так, про мои дела можешь не спрашивать, хотя все хорошо...

Парочка из LS 460 шла к своему подъезду. Если сейчас проломиться сквозь кусты, еще успеет их перехватить.

– ... Женя, хотела напомнить, чтобы ты заехал к деду Стасу. Не забудь, пожалуйста, передай привет от меня и скажи...

Айфон отключился.

А те двое находились уже в пяти метрах от своих дверей.

Жека кинулся за ними, зацепился за какую-то корягу и полетел на землю. Все-таки есть в нем гены неповоротливого коалы. Поднимаясь, услышал, как сработал замок домофона, мужчина что-то произнес – с гортанным таким кавказским акцентом, смех его девушки заглушила закрывшаяся за ними дверь.

Он вправду облажался?

* * *

– Не, ты сам смотри, сам решай, – бубнил в ухо Хариус. – Я ж тебя не заставляю покупать, чтоб ты потом не говорил... Лу́кай, вот так надо. – Он взял у Жеки айфон и, прикасаясь

пальцами к экрану, выбрал в меню иконку. – Кстати, «злые птицы» уже стоят здесь. Самому заливать не нужно.

– Тут еще какие-то фотки, – заметил Жека.

– Так да, – на необъятном круглом лице (отсюда и прозвище) Хариуса появилась улыбка, – я же не говорю, что взял его в магазине. Фоточки бывшего владельца. Или владелицы. Ну-ка зазирим, может, порнушка домашняя есть... Только город какой-то, – разочарованно протянул он. – Где это, интересно? Ладно, удаляем... Так как?

– Что-то дешево ты его отдаешь, – посмотрел на Хариуса Жека.

– Так ведь дешево – не дорого, – пожал плечами тот. – Мне лишнего не надо. Он без зарядки... Глядишь – и ты мне подгонишь тачку со скидкой.

– Откуда у меня тачки?

– Да говорят... Ну так берешь?

Вот Жека и купил себе айфон. Ему сказали, что краденый, но теперь ясно, что больше это похоже на китайское палево. Найти Хариуса, кинуть ему в лицо подделку и потребовать назад деньги. А сейчас что делать?

Если бы не сроки, можно было бы вернуться завтра. Или в понедельник. Или через месяц. Но Аббас четко определил дату и время угона – сегодняшний вечер. Почему так, Жеке неинтересно. Дело в покупателе. Или в чем-то еще – ему все равно. Однажды он угнал сильно поюзанный «Нисан-Тиита», в салоне которого на тот момент лежала папка с какими-то учетными документами. «Нисан» куда-то ушел по дешевке, не в нем было дело, а украденные документы подпортили чью-то жизнь.

Ладно, подумал Жека. Нужен этот «лексус» Аббасу сегодня, он его получит. «Импровизация – суть джаза, шахмат и партизанской войны», – сказал как-то дед Стас. Будем импровизировать.

Жека вернулся к мусорному контейнеру, где еще раньше заметил выброшенный на помойку стул. Наступил на одну ножку, руками потянул за другую. Захрустело, потом тяжелая, словно сделанная из дуба, деталь стула оказалась у него в руках. Подойти к «лексусу», потолкать его, чтобы включилась сигналка, подождать, пока хозяин увидит его из окна у своей машины, а потом затаиться у подъезда. Автовладелец выходит – ключи, скорее всего, у него, Жека бьет его – чтоб уж наверняка – ножкой стула... Ну а дальше все по плану... Многовато, конечно, подводных камней. Перед тем как спускаться на улицу, водитель может вызвать полицию. Может не взять с собой ключи, а прихватить травмат. Может вообще дожидаться патруля, не выходя из дома. Но нужно пробовать. Выбора нет.

И все-таки удача его не покинула. Хлопнула дверь подъезда, появился водитель «лексуса» и быстрым шагом направился к своей машине. «Что-то забыл?» – подумал Жека на ходу. Водитель отключил сигнализацию, открыл дверь машины, обернулся на шаги приближающегося Жеки и с размаху получил по голове ножкой стула. Прилетело в правую часть лба. Раздался донельзя неприятный такой звук, и водитель мешком свалился у машины. Жека выдернул из его кулака брелок с ключами и запрыгнул в тачку.

Еще не зная, что так он и повстречался с Джонни Деспом, ведя себя для первого знакомства весьма по-свойски.

В этот самый момент ему показалось, что все пройдет как надо.

2. Кета

Нева. Правый берег.

Дыбена в сгустившейся, как опухоль, темноте, дома постройки семидесятых на Искровском. Окна, освещенные тусклым, будто украденным электричеством. Ощущение, что счастливые люди здесь не живут. Двор, заваленный облетевшими листьями и мусором. Осень – печальный сезон. Лету пришел конец. Жди зимы, что придет и скажет: «Все-все. Время вышло. Попробуй еще раз в следующем году».

Саундтреком – приглушенный похоронный трип-хоп «Portishead» из колонок в прокуренном салоне десятилетнего «БМВ».

Пустая смятая пачка из-под сигарет на торпедо.

Надо купить еще. Марк Новопашин вылез из автомобиля, включил сигнализацию и двинулся в сторону проспекта, где, как он помнил, возле остановки был ларек. Нагнулся к окошку и, перекрикивая шум торопящихся машин, спросил пачку «Лаки Страйк». На обратном пути заметил безымянное заведение с торца одного из домов.

Бар, похожий на сумерки. Бармен за стойкой – усталый Пьер Ришар со сломанным носом. За ним, на полках, – разлитый по бутылкам цирроз печени. По телевизору, подвешенному у потолка, – бокс на ворованном канале. Клиенты за обшарпанными столиками пытаются перепить друг друга. Двое или трое поворачивают головы и смотрят на Марка взглядами, отравленными спиртным. Ему кажется, что сейчас они улыбнутся остроиглыми гримасами нежити и накинутся на него.

– Один кофе, – говорит он.

Бармен кивает. Замызганная шведская кофеварка плюется паром. Аромат кофе смешивается с другим запахом, гепариновой мази.

– Неправильные инвестиции, – голос у Пьера Ришара – шуршание наждачной бумаги, свернутой в рулон.

Что имеет в виду бармен? Его кофе?

– Это лекарство, – поясняет Марк и слышит в ответ:

– Единственное лекарство, которое я знаю, подается со льдом, тоником и долькой лайма.

– У тебя есть лайм?

– Найдется.

– Спасибо. Я за рулем.

– Кого и когда это останавливало? – пожимает плечами Ришар.

Через три минуты на стойке дымится чашка кофе. Из сахарницы с налипшими комками сахара Марк зачерпывает три с половиной ложки, вспоминая присказку бабушки: «Сахар и соль – белый яд». Обжигающий горько-сладкий напиток наполняет тело бодростью, которая ему еще понадобится. Алька сегодня ночует у него после двух дней отлучки. После ее ночевки, когда тахта полночи скрипит под тяжестью их тел, он не высыпается и весь следующий день чувствует себя разбитым, как первого января. Но дело того стоит.

Он допивает кофе, протягивает бармену купюру и, не дожидаясь сдачи, выходит на улицу. Сентябрьский воздух забирается ему под куртку. Теплый поцелуй спас бы от холода, но есть только сигареты. Двенадцать миллиграммов смолы, ноль целых девять десятых миллиграмма никотина. Однажды курение его доконает. Мимо него со двора выезжает автомобиль – новой модели японский кроссовер. Марк провожает его безразличным взглядом и возвращается к «БМВ».

У соседней машины копошатся два типа, на одном – грязный зенитовский шарф. Повадки как у винтовых со стажем. Пытаются, не разбудив сигнализацию, снять с машины зеркало, чтобы толкнуть его и взять дозу? Заметив Марка, типы пугливо отступают в темноту.

В «бэхе» он смотрит на электронные часы на приборной панели. Еще пятнадцать минут – и время клиента кончится, если он не захочет продолжения. От мысли о том, что девушку, с которой он собирается провести ночь и остаток жизни, может «продлить» обитающий на съемной квартире кавказец, у Марка начинает болеть голова.

Пульсации в правом виске напомнили март, когда он казался себе сверхпрочным мазохистом, наркоманом боли. Горстями ел прописываемый врачом трамал, но с тем же успехом можно было есть карамельки. Боль не уходила, она только становилась злее и агрессивнее. В апреле он перешел на «бушмиллс», и удивительно, но алкоголь помог. Сейчас Марк понимал, что пять упаковок контрабандного ирландского виски, купленного прямо в порту через знакомого докера, помогли ему продержаться всю весну. Не рехнуться от боли, физической и душевной. Виски и «Доктор Хаус». Когда Марк работал, времени на телевизор, и тем более на сериалы, у него не было. Весной же, в тридцать четыре года уволенный по состоянию здоровья, брошенный женой, просыпавшийся ночью, чтобы проглотить сто граммов «бушмиллс», и еще со ста начинавший утро, Марк запоем смотрел «мыло», где колченогий врач-мизантроп разрушал свою жизнь, пил, принимал наркотики, издевался над коллегами и мимоходом и с пафосом лечил больных. Телереальность и алкоголь заменили Новопашину настоящую жизнь, где приходилось бриться, принимать душ и идти в магазин или на прием к врачу. В ней из всех коллег звонил и навещал только Миха Костров. В ней жена, с которой он официально еще не был в разводе, очень быстро переехала от мамы к сыну ее старинной подруги, жившему за городом в доме с гаражом на две машины. Когда Марк об этом узнал, он просто налил виски и подошел к окну. Выпил и налил еще. Вид из окна квартиры на трубы, атлантами державшие свинцовое небо, напоминал свалку. А сам Марк был космонавтом, которому предстояло в одиночку девять лет лететь до Плутона.

Так продолжалось до начала июня, когда в конце рабочей недели к нему заехал Миха, уставший после тяжелой смены в отделе.

– По крайней мере тебе не нужно проходить переаттестацию, – сказал он в дверях. – Марка, если не напиться в вечер пятницы, то я уж и не знаю...

Напиться – к этому Марк относился положительно. Он направился в комнату, где достал бутылку из последней коробки с тремя нарисованными на картоне перегонными кубами. На кухне выпили по одной, а потом оказалось, что под словом «напиться» Миха имел в виду не кухонные посиделки, а рейд по городским барам.

– Зажечь? – переспросил Марк. – Думаешь, я к этому готов?

– Готов ты или нет – мне по хрену. Тебе сейчас это нужно. Считай, это рекомендация врача. Алкотерапия.

Костров заставил Марка переодеться. Шмотки, грязные настолько, что, того гляди, – встанут и уйдут, полетели в стирку. Марк влез в почти чистые джинсы, надел кофту из магазина дешевой скандинавской одежды. На кофте победно вскидывал вверх руку Рокки Бальбоа.

Они начали в пабе в трех кварталах от его дома, потом взяли такси и поехали в центр. От проблем на входе в дискотеку их избавляла раскрываемая перед носами охранников Михина корочка. Марк ощущал себя Робинзоном, попавшим с необитаемого острова восемнадцатого века на церемонию вручения «Оскара». Диджеи играли такую музыку, что он даже не мог понять, как под нее двигаться. Девушки, пьяные и веселые, через минуту после знакомства переходили на «ты» и раздавали недвусмысленные авансы. Освещение делало их всех неотразимыми. Ноги прилипали к полу. В одном месте в туалете, прямо у раковин, с пальцев вбихивали порошок, а в дальней кабинке громко занимались сексом, и Марк не поручился бы за то, что это разнополая пара.

– Марка, ты куда пропал? – орал ему с танцпола Миха со стаканом в руке. Свободной рукой он обнимал хихикающую девушку в коротком платье. – Смотри, какая крошка! – и обращаясь к ней: – У тебя нет подружки для моего товарища?

Подружка у крошки нашлась. У нее были каштановые волосы, длинные ноги и грудь четвертого размера, которой она прижималась к Марку во время танца. Улыбаясь, девушка показывала крупные лошадиные зубы – и это как-то привело его в чувство, вернуло в реальный мир. Он практически вырвался из объятий ее тонких, как спицы, рук, сбежал на улицу, сел прямо на поребрик в десяти метрах от дверей клуба и опрокинул в себя пятьдесят скотча. Люди, тусующиеся на тротуаре у этого и соседних клубов, готовые ехать хоть к черту на кулички – только плати, – бомбилы поодаль, звон стекла, бьющегося об асфальт и о стены, – вся атмосфера напомнила ему «Blade Runner» Ридли Скотта с поправкой на наступившие белые ночи.

– Ты куда опять делся? – появился рядом Костров. – Марка, такие телки!.. Пойдем к ним!

Он помотал головой. Несколько секунд Миха смотрел на него, потом молча ушел в клуб и скоро вернулся с новыми порциями алкоголя. Сел рядом и протянул Марку стакан из толстого стекла, в котором плескалась золотистая жидкость.

– Я тут подумал, – сказал он. – Ну, с головой у тебя не все в порядке. А между ног-то как? Все в норме?

Марк усмехнулся, кивнул. Миха засмеялся, обнял его за плечо.

– Самое главное, мужик! Самое главное! А то ты меня напугал... Я понял тебя. Мне уже все равно, я бухой, а ты трезвее и видишь, какие тут коровы. Ни одной симпатичной, мать их. Я прав?

Они чокнулись и выпили. Поставили пустые стаканы перед собой на асфальт.

– И «конь бледный» у них паленый, – поморщился Новопашин. – Прямо из канистры под стойкой льют, суки.

– Что будем делать? – спросил у него Костров.

– Сам решай, – сказал Марк.

– Может, в «Копов»? Кто-нибудь из наших наверняка там. Повидаешь ребят.

– Нет, не сейчас, Миха.

– Ясно, – Костров похлопал его по плечу. – А если еще девок поищем? Пока я не в стельку, а?

– Давай, если хочешь.

– Да конечно, хочу!

Вывалившегося из стратосферы ангела по имени Рокстар Марк увидел в «Реалити-шоу» – дорогом декадентском клубе, куда их долго не пускала охрана.

– Закрытая вечеринка, вход по приглашениям, – скосив глаза на раскрытое перед его лицом удостоверение, произнес вышибала в черном костюме и с наушником в ухе.

– Убойный отдел, мужик, – не опуская удостоверение, пьяным голосом произнес Миха. – Мы при исполнении. Расследуем тяжкое преступление. Нам нужно пройти и задать несколько вопросов свидетелю.

– При исполнении? – ухмыльнулся Костюм. – Скажите, как зовут вашего свидетеля, я попробую его найти и вызвать сюда.

– Имя свидетеля – служебная информация. Мы не имеем права раскрывать его.

– Тогда ничем не могу помочь, – покачал головой Костюм. – Пожалуйста, не стойте у входа, вы мешаете... Добрый вечер, проходите, – поприветствовал он раздетую разве что в не цветные перья пару.

– Это я не смогу тебе ничем помочь, – вплотную придвинулся к охраннику Миха, – если сейчас вызову дежурный наряд. Препятствие расследованию, сопротивление при аресте. А потом уже скорая помощь тебе ничем не сможет помочь, понял или нет?

Охранник нервно сглотнул, посторонился и буркнул:

– Проходите.

– Спасибо, – сказал Миха и потянул за собой Марка.

– Алкоголь оставьте у администратора.

– Какой? А, этот? – Костров как будто только что обнаружил у себя в руках полулитровую бутылку «грантс», купленную с превышением служебных полномочий в ночном магазинчике. – Так он же кошерный... Обязательно оставим, не волнуйтесь.

За дверьми их встретила девушка-хостес в коротком блестящем платье бирюзового цвета.

– Добрый вечер, – улыбнулась она, успешно скрывая удивление при виде их прикида, общего состояния и початой бутылки скотча. – У нас сегодня вечеринка «Нюд Зоо». У вас зарезервирован столик?

– Мы посидим в баре, милая, – улыбнулся Миха. – Это платье тебе чудо как идет... Можно у тебя бутылку оставить? Если отопьешь, мы не будем против...

Они поднялись по узкой лестнице, сели у стойки бара в углу и заказали выпить. В большом полутемном зале раньше устраивали балы дворяне. Полтора десятка ламп с красными абажурами стояли на столиках между баром и невысокой сценой с блестящими пилонами в металлической клетке, в сцену целились точечные прожекторы. Парень в наушниках за диджейским пультом играл сонный лаунж с МРЗ. Официантки в юбках до бедра и в форменных блузках с вырезом сновали между столиками, за которыми сидели мужчины в деловых костюмах, дресс-коде нефтяных королей и владельцев футбольных клубов – уж никак не меньше. Несколько бескусно одетых женщин ели, пили и внимали своим спутникам.

– Что-то тут скучно, – обратился к бармену Миха. – Как реклама. Что затевается хоть?

Бармен не успел ответить, как зажглось несколько ярких прожекторов, осветивших возвышение, где появился мужчина в летах с микрофоном на лацкане пиджака.

– Добрый вечер, дамы и господа! – с полупоклоном обратился конферансье к публике. – Позвольте объявить о начале вечера: наш «Нюд Зоо» открыт. Руки в клетки не совать, бананами не кормить! Деньги за билеты вернуть нельзя!

Последние слова были встречены смехом.

– Первые – Хищница и Милана! Встречайте!

Раздались жидкие аплодисменты. Заиграл притихший на время диджей, и на сцене появились две девушки. Брюнетка в белье под леопарда и с леопардовыми пятнами боди-арта и блондинка с винтажной прической и в тунике. Они зашли в клетку. Конферансье закрыл за ними дверь.

– Я что-то не понял, – посмотрел Миха на Марка. – Девки будут сидеть в клетке?

Они не сидели, а танцевали. Вначале по отдельности, у шестов, заводя зрителей полуобнаженной, затем сошлись вместе. Полетела на пол снятая туника, Милана выгнула спину, подставляя Хищнице грудь для поцелуев, одновременно расстегивая ее лифчик. Миха отставил стакан и захопал.

– Отлично!

Пластика девушек и хореография танца удивляли. Танец странным образом походил на схватку. Целуясь и держа друг друга в объятиях, девушки избавлялись от одежды, на топлес не остановились и в конце концов предстали перед зрителями обнаженными. Марк, думая, что это конец номера, хотел уже было заплотодировать, но танец не прекращался. Сначала рука Миланы легла между ног Хищницы и стала там двигаться, вызывая бурю эмоций на бесстыдно повернутом к публике лице. Через минуту она резким движением уложила Милану на сцену, забросила ее ноги себе на плечи и склонилась к ней. Ее пальцы с длинными, как когти, ногтями сжимали груди партнерши. Два сплетенных тела в свете ярких цветных прожекторов под музыку с ритмом ударов баскетбольного мяча об пол, с плотной стеной звука и, как жгучий перец, вкраплениями восточных оттенков. Под прицелами чужих взглядов девушки ласкались пальцами и языками. Хищница, сидя на лице Миланы, откинулась назад, на несколько секунд замерла (луч прожектора скользнул между ее бедер), а потом опустилась телом вперед, создавая иллюзию прыжка охотящегося зверя.

– Я весь взмок! – когда смолкла музыка, закричал Миха, вместе со всеми аплодируя девушкам. – Вот это шоу! Думал, что такое только в кино бывает! Повтори-ка, дружище! – попросил он бармена. – И моему другу!

Пока Миха с Марком обменивались впечатлением, на смену Хищнице и Милане в плотной атмосфере ожидания разврата возникли следующие девушки. Ведущий представил их как Вич и Рокстар.

– ВИЧ? – переспросил Миха. – Типа как триппер?

– Вич. По-английски – ведьма, – пояснил бармен.

– Ты прямо Черчилль, – сказал ему Миха. – Налей-ка еще, – и повернулся к танцовщицам.

Ведьма была со стрижкой каре рыжих волос, тоже в тунике, но фиолетового цвета, босиком. Рокстар – блондинкой с длинными вьющимися волосами, с черными, как в кино у спецназа, полосками на лице, в наглухо застегнутой короткой кожаной куртке, широких джинсах-«трубах» на бедрах и с красно-белой, сверкающей колками электрогитарой наперевес. Ее глаза прикрывали солнечные очки. Позже Марк подумал, что во всем случившемся потом виновата музыка. Диджей поставил медленную композицию, почти колыбельную. Двое печальными негритянскими голосами рассказывали историю про гуляющую по пригороду малышку, аромат Ямайки и дефлорацию, а пульс качающего тягучего бита напомнил Марку мелодию со вступительных титров «Хауса». После Алька сказала ему, что песня называется «Karmasoma». А тогда он смотрел, как Вич расстегивала молнию на куртке Рокстар. Одежды под курткой у той не было, и стали видны казавшиеся загорелыми в свете прожекторов груди размером с теннисные мячи, с сосками, заклеенными крест-накрест белым непрозрачным скотчем. Рокстар сперва целомудренно прикрыла грудь ладонями, а потом резко опустила их. Грифом висящей на плече гитары приподняла подол туники Вич, обнажая промежность. Мелькнул черный треугольник трусиков. Присев, Рокстар обеими руками спустила их. Ведьма оттолкнула ее и закружилась вокруг девушки с гитарой, словно наводя чары. Движениями сомнамбулы Рокстар отставила гитару и скинула куртку, стянула джинсы, оставшись полностью обнаженной. Рокстар, повернувшись спиной к зрителям, опустилась на четвереньки. Скинув через голову тунику, Вич склонилась к партнерше и коснулась губами ее ягодиц. Несильно шлепнула по ним ладонью. Провела рукой между ногами. Языком достала до клитора. Рокстар выпрямила спину и сделала попытку освободиться. На лице у Ведьмы заиграла похотливая улыбка, в ее руке появилось дилдо. Высунутым острым языком она облизывала блестящий пластик, а Рокстар, обернувшись, смотрела на нее. Ее рот округлился, когда дилдо вошло внутрь, и она принялась двигаться в ритме впадающей в кому. Боковым зрением Марк видел подавшегося вперед толстяка, сидевшего за ближайшим к сцене столиком. В руках он держал забытую вилку с наколотым на нее куском мяса. Выглядело это отвратительно и комично одновременно. Сам Марк чувствовал удивительную смесь похоти и детского восторга. За несколько мгновений до окончания песни лицо Рокстар исказила гримаса поддельного оргазма, и она опустилась левой щекой на пол. Очки с золотистыми линзами сползли с глаз, и на несколько секунд Марку показалось, что он встретился с танцовщицей взглядом. Рокстар поправила очки. Вич протянула ей руку, помогая подняться. Провожаемые аплодисментами, девушки вышли из клетки.

Марк повернулся к барной стойке. Сердце колотилось как пулемет.

– Как тебе киски? – спросил у него Миха. – Не говори, что не понравились... Слушай, эта Рокстар будет еще выступать? – обернулся к бармену.

Тот пожал плечами.

– А приватный танец можно заказать?

– И танец, и что посерьезней. С ними все можно. Это же шлюхи. Танцуют, доводят толстосумов до белого каления, а потом выставляют ценник – и пожалуйста, все для вас.

– Шлюхи? – переспросил Миха и посмотрел на Марка. – Ну так это и лучше! А где...

Бармен осторожно показал на немолодого мужика в тени у сцены:

- Это продюсер шоу. Все вопросы решайте с ним.
- Продюсер у шлюх? – засмеялся Миха. – Ты хотел сказать – сутенер? Налей-ка еще.
- Только называйте его продюсером, – с улыбкой посоветовал бармен. – Так вам выйдет дешевле.

С выпивкой в руке, слегка пошатываясь, Костров направился к сцене, на которой две новые девушки в одних белых рубашках поливали друг дружку то ли из водяных пистолетов, то ли из усовершенствованных фаллоимитаторов. Мокрая ткань эффектно облегла их формы. Но Марк смотрел не на них, а на друга, который, размахивая свободной рукой, о чем-то спорил с «продюсером». Через две минуты Миха вернулся.

– Говорит, Рокстар уже занята. Предлагает другую, но цену ломит... Да тебе другая и неинтересна, правда? Пошли, – Костров потянул Марка за рукав.

– Куда собрался?

– Сейчас все решим напрямую, без посредников, – ответил Миха, ставя стакан на стойку. – Где найти девчонок? – спросил он у бармена.

Марк двинулся за ним, говоря себе, что идет только для того, чтобы вытащить Мишу из неприятностей, в которые тот вот-вот влипнет. Одна раскрытая дверь, вторая – и вот перед ними охранник.

– Туда нельзя, – сказал он. – Девушки заняты, у них клиент.

– Правосудие не может ждать, мужик. Пожалуйста, дай пройти, – в который раз за вечер Миха ткнул корочку в лицо работнику клуба. – А ты тут жди. Сейчас Толян подъедет. Дукалис который...

В комнате с интимным освещением на широком кожаном диване сидели трое: слегка приодетая Хищница, Рокстар в куртке на голое тело и в джинсах и пассажир лет сорока пяти в костюме, но со снятым галстуком и в уже наполовину расстегнутой рубашке. Повернувшись к Рокстар, он говорил ей что-то про какие-то красные клетки, а при появлении двух незнакомцев вскочил, сбросив с себя руки сидевших по бокам от него танцовщиц.

– Вы кто такие? – возмутился он и позвал: – Охрана! Эй!..

– Да охрана в курсе, – сообщил Миха. – Уголовный розыск, – снова взметнулась рука с удостоверением. – Должны забрать эту девушку, – Миха кивнул, – для дачи свидетельских показаний. Срочно.

– Михаил Александрович Костров, – прочитал клиент. – Вам лучше уйти. Какие еще свидетельские показания? Вы что, при исполнении? В таком состоянии?

– Это усталость, – парировал Миха. – Буквально валимся с ног.

– Ну так и идите отдыхать, – начальственным тоном предложил клиент.

– Не имеем возможности. Служба.

На лице клиента задергалась какая-то жилка.

– Вот что, служивый, – зло прошипел он, – познакомимся. Моя фамилия Коваленко. Я – депутат городского Законодательного собрания. У меня хорошие друзья в вашем ведомстве. Если не хотите завтра быть уволенным – кругом, шагом марш! Ать-два! – и засмеялся своим словам как удачной шутке, обернулся к девушкам в надежде, что те поддержат его смех.

Но те молчали с непроницаемыми лицами людей, находящихся под серьезными седативными препаратами. Собственно, с Рокстар так и было, как немного позже понял Марк.

Засмеялся Миха. Когда Коваленко удивленно посмотрел на него, Миха заявил:

– Время – сложная материя. А будущее – особенно. Вот ты депутат, а затем тебя снимают на телефон в ненужном месте и ненужном обществе, выкладывают в сеть – и ты уже никто.

– Да срал я на общественное мнение! – парировал Коваленко. – В Швейцарии пугай своими записями.

– А как же жена? – деланно изумился Костров.

Депутат резко уменьшился в размерах. Будто увидел в глазах Михи две свежевырытые могилы.

– Что, вспомнил про ценности брака? – насмешливо спросил Миха. – Или про то, что вся недвижка записана на нее, а, депутат? Забирай свой галстук и вали отсюда, быстрее!

Победа нокаутом.

Коваленко поднялся с дивана и поспешно вышел.

Миха посмотрел на девушек. Склонил голову – вроде как поклонился.

– Девчонки, примите мои пьяные извинения. Не считайте нас псами, грызущимися за текущую сучку, прошу прощения. Просто мой друг, потерявший дар речи после вашего шоу, хочет с тобой, – он показал на Рокстар, – познакомиться.

Рокстар подняла на Марка глубоководные, по-другому их не назовешь, глаза, и тот вдруг почувствовал, как в душной комнате материализовались молекулы мистики.

– Меня зовут Алька, – представилась она. – А тебя как?

* * *

Когда до него дошло, что диск «Portishead» пошел играть по второму кругу, Марк встре-пенулся. Зеленые цифры на часах сказали ему, что Алька должна была спуститься четверть часа назад. Или отзвониться, что клиент ее продлевает. Он дотянулся до телефонной трубки. Пропущенных не было. Марк немного подождал.

Забыла позвонить ему? Как это – забыла? Его телефон заглянул и не принял вызов? Или Алька застряла в лифте? Он нажал кнопку вызова. Выждал восемь гудков, но трубку никто не брал.

Марк достал из бардачка травмат ИЖ, сунул его за ремень и выбрался из машины. У подъезда набрал номер квартиры на домофоне. Безрезультатно. Наклонился к домофону. Щелкнул зажигалкой, пытаясь разобрать его марку. Банальный «Vizit». Нажал «звездочку», «решетку» и три цифры – запрограммированный на заводе простейший код взлома. Повезло, стандартные настройки при установке домофона не поменяли. Запищав, магнит отпустил дверь. Подъезд был сравнительно чистым, Новопашин удивился этому, еще когда они заходили вместе с Алькой. По лестнице Марк взбежал на первый этаж. Прислушался – тишина, только в одной из квартир разными голосами громко разговаривал сам с собой телевизор. Марк вызвал лифт и, пока кабина с шумом спускалась с верхних этажей, вспомнил лицо Алькиного клиента, кавказца старше тридцати, со зловещим крючковатым носом, но выбритого, приветливого и улыбочивого. Клиент показал Альке, где ванная, проводил ее масляным взглядом, поцокал языком в закрывшуюся дверь. Расплатился с Марком.

– До свидания, дорогой, – сказал, провожая его. – Спасибо за девушку. Красивая такая очень. Не беспокойся, проблем не будет.

На уме у него явно был только секс. Что же тогда?

Лифт открылся. Неяркая лампочка, надписи, сделанные маркерами, – в противовес нетронутым стенам в подъезде, запах сигаретного дыма. Марк решил подняться по лестнице.

Перескакивая через ступеньки, он влетел на четвертый этаж, подошел к хлипкой двери съемной квартиры, длинно позвонил. За дверью стояла тишина. Он ощутил, как гладкое яйцо беспокойства изнутри разбило своим клювом страх. Позвонив еще раз, Марк достал ИЖ. Подергал ручку двери. Заперто. Но дверь хлипкая и открывается вовнутрь. Он отошел на пару метров и с разбегу врезался в дверь плечом. Та затрещала, но выдержала. Понадобился второй удар.

Держа в правой руке пистолет, Марк толкнул дверь и вошел в квартиру. В коридоре и в обеих комнатах горел свет. И чем-то пахло, резко и знакомо.

Он вспомнил. Так пахло в служебном тире. Порохом.

В крови тигром бился адреналин.

– Алька! – позвал Марк.

В ближней комнате никого не было.

На пороге второй комнаты, уже чувствуя тяжелый запах свежей крови, он замер и опустил травмат. Услышал, как кто-то в комнате скребется, не раздумывая, шагнул вперед и оказался в замкнутом пространстве, заполненном смертью.

Самым жутким воспоминанием его детства был не развод отца с матерью и не умерший от сердечного приступа прямо во время семейного торжества дядя Иван. Самое страшное случилось, когда ему было восемь или девять лет. Он с родителями жил тогда на Дальнем Востоке. Одним солнечным сентябрьским днем дед Андрей, работавший инспектором в Рыбнадзоре, взял его с собой на Уссури. Около часа они поднимались против течения на казенной «казанке». Вокруг тянулись рыжие берега, прозрачный воздух и кета, плещущаяся в холодной воде. Марк опускал руку в воду, ощущая струи воды, бившие в ладонь. Дед беззлобно покривал на него.

– Сейчас цапнет за палец, – посмеиваясь, пугал он внука.

Они свернули на неширокий, метров пять от берега до берега, приток, проплыли с полкилометра и выбрались на землю. Дальше были перекаты, и пройти на лодке было нельзя. Дед вытащил нос «казанки» на берег, цепью приковал моторку к толстому дереву, закинул на плечо двуствольное ружье и зашагал по еле видной тропинке вдоль Серебряной – так называлась речка. Марк еле успевал за ним. В Серебряной показывала черную горбатую спину кета, непостижимым инстинктом, который потом назовут хоумингом, ведомая на нерест; под ногами шуршали опавшие листья, дед, весело побряхтывая, указывал Марку на грибы по сторонам от тропинки – все было хорошо. Пока они не выбрались на поляну, откуда с жужжанием внезапно поднялся рой осенних мух. Дед Андрей, которого через несколько лет за три месяца сглодал рак желудка, грязно заругался. Марк выглянул из-за его широкой спины и почувствовал тошноту. Всю поляну покрывали выпотрошенные рыбы тушки. Кета – с лилово-малиновыми полосами на боках, с длинными челюстями. Со вспоротыми животами и остекленевшими глазами, с растопорщенными в агонии жабрами, там и сям измазанная остатками красной икры, потоптанная ногами и покрытая мухами; сотня или две мертвых рыб, попавшихся в сети браконьеров. Эта поляна еще не раз потом снилась Марку. А в тот момент его согнуло пополам, и он стал извергать из себя почти переваренные остатки завтрака пополам со слезами, хлынувшими из глаз, как из крана. Дед положил ему на плечо руку и сказал:

– Ничего-ничего, пацан. Все в порядке. А этих сволочей я найду.

Сейчас, когда Марк глядел на кровавые брызги на линолеуме и на бледных обоях с выгоревшим тусклым узором, успокоить его было некому. Хуже всего, что он чувствовал накатывающий приступ. Неожиданный, как всегда. Голову заволкло туманом, грудь будто бы сдавило тисками.

В приглушенном свете он видел кавказца, навзничь лежащего посреди комнаты, – голое тело, покрытое густыми волосами, свалившийся набок детородный орган. Пуля попала в шею и, судя по всему, задела сонную артерию. Плохая смерть, жизнь уходила с фонтаном бьющей крови. Темно-алая лужа у тела. Забрызганная мебель. Трехстворчатый шкаф, в полировке которого отражалась люстра «под хрусталь». Включенный торшер с пожелтевшим абажуром. Старый будильник «Янтарь», щелчки секундной стрелки которого Марк принял за живые звуки.

Разложенный диван был застелен бело-синим постельным бельем. На нем на спине лежала Алька.

То, что было ею. Обнаженное тело с двумя огнестрельными ранениями в области сердца. Одна рука закинута над головой, глаза открыты, смотрят в потолок. Лицо спокойное – и от этого все в комнате казалось более безобразным и нелепым.

Марк подошел, коснулся ее плеча, оказавшегося теплым, но с будто резиновой на ощупь кожей. Такой была двадцать пять лет назад та нагретая осенним солнцем выпотрошенная кета, когда он, проблевавшись, осторожно дотронулся пальцем до одной из загубленных рыбин.

С трудом соображая из-за вибраций в черепной коробке, Марк достал телефон и немелкими губами успел назвать адрес диспетчеру «02».

3. Стаф

На Московском Жека ввалил по «зеленому» коридору, устроенному стоящими на каждом перекрестке патрульными в светоотражающих жилетах. Из аэропорта ждали очередного высокопоставленного слугу народа, который не мог тратить свое драгоценное время на ожидание у светофоров. Медлительных водителей гаишники подгоняли полосатыми, будто... точно, будто эрегированные пенисы зебр, жезлами. Надо спросить у Восьмибитного, полосатые ли они? Он со своим «Нэшнл джеографик» наверняка знает. Остановиться бы сейчас и рассказать какому-нибудь гаишнику, что за предмет он держит в руках, подумал Жека, утапливая в пол педаль газа. Несколько секунд стрелка спидометра дрожала у числа 150, а горящие рекламами витрины неслись мимо непрерывным потоком. До пересечения с Обводным он долетел за считанные минуты.

Свернув на набережную, сбросил скорость. Из-за того, что правую от Московского проспекта часть Обводного держал светофор, движение в сторону Канонерского острова было разрежено, но гнать уже не хотелось.

Адреналиновый шторм, бушевавший в теле во время угона и бешеной езды по городу, стих. Полуприкрыв глаза, как Будда, Жека пристроился за ехавшим в порт контейнеровозом и стал думать, чем займется вечером. Во-первых, он умирает с голода. Нужно поесть. Во-вторых, купить лекарство деду Стасу, пока еще не совсем поздно. В-третьих...

Его размышления прервал звонок айфона. Жека вытащил из кармана трубку. Чей это номер?

– Да? – сказал он и услышал из динамика:

– Алло! Женя?

Голос молодой, женский и будто знакомый, но Жека не мог вспомнить его обладательницу.

– Да, я. Кто это?

– Это Настя. Мы вчера познакомились. Уже не помнишь?

На Жеку будто опрокинулся ехавший впереди контейнер. Он почувствовал свои взмокшие ладони и по-подлому задрожавший голос.

– Привет, Настя, – произнес он. – Я тебя помню. Конечно... Извини, сразу не сообразил.

– Ничего, – он почти видел ее холодную, как у Снежной королевы, улыбку. – Я тебя не отвлекаю? Можешь говорить?

– Нет... Да... То есть «нет» – не отвлекаешь, и «да» – могу говорить, – сказал Жека под Настин смех в трубке. – Где ты, кстати, раздобыла мой номер?

– Взяла у Шато Марго.

– Ну да, что-то я туплю, – кивнул Жека.

Настя две или три секунды помолчала в трубку, а потом проговорила неожиданно и смело:

– Хотела сказать, что сожалею о том, что... В общем, как все получилось. Наверное, я вела себя неправильно.

Сожаления, по мнению Жеки, – самая дерьмовая вещь на свете. Толку в них никакого. Вернуть и исправить ничего нельзя, иначе все были бы святыми. Если что-то сделал, стой на своем до конца. По крайней мере вслух. Но сейчас перед ним извинялась (и вроде искренне – так хотелось в это верить) девушка, которая ему нравилась. Очень нравилась. Поэтому он попробовал вытряхнуть из памяти ее высокомерие, спрятал поглубже сопротивляющуюся этому иронию и просто сказал:

– Да все нормально.

Говорят же, что нужно чем-то жертвовать во имя отношений. Вот он и жертвует.

– Спасибо, – раздалось в ответ. – Ты вчера предлагал встретиться?

– Я и сейчас готов, – хрипло прокаркал Жека.

Да что у него с голосом? Добавил:

– Но ты говорила, что сегодня работаешь допоздна.

– Мне кажется, или ты простыл? – спросила Настя.

Жека убрал айфон от лица и попробовал прокашляться.

– Алло? Женя?

– Да, я тут, – его голос вернулся к нему. – Ты уже освободилась?

– Почти, – на другом конце связи Настя засмеялась. – Нагрузила подчиненных, так что вечер свободен.

– У меня тоже.

– Может, сходим поужинать куда-нибудь?

– Хорошая идея. Я как раз весь день не ел. Будто чувствовал, что ты позвонишь.

– На самом деле, – опять засмеялась Настя, – позвонить тебе я решила буквально только что.

– Я читал, что импульсивные поступки – самые правильные... Ты где сейчас?

– В районе Сенной. Освобожусь минут через двадцать.

– Отлично, я на колесах и тоже в центре. Сейчас тут кое-что доделаю – и готов. Если подъеду через полчаса?..

– Давай.

Они договорились о месте встречи.

Когда Жека нажал «отбой» и кинул трубку на соседнее сиденье, ему показалось, что он выиграл в лотерею. После вчерашнего не особо удачного знакомства на вечеринке у Марго ему казалось, что надо навсегда выкинуть из головы эту девушку. Но фраза «даже нечего и пытаться» относилась ко всем его попыткам избирательной амнезии. Эта Настя откусила от него кусок. Он по-глупому влюбился. И что было делать? Но теперь она сама позвонила ему, и они идут ужинать – вдвоем, без большой шумной компании. Получается, у них вроде как свидание.

Опомнившись, Жека увидел, что едва не проехал дальше, чем нужно. Включив поворотники и пропустив машину по встречке, он свернул под длинную арку, соединявшую две стены из красного рябого кирпича, и остановился у опущенного шлагбаума на пяточке, освещенном пятисотваттным галогеновым прожектором. Из будки по ту сторону «границы» вышел молодой охранник и вопросительно посмотрел на Жеку. Тот опустил стекло и назвал фирму, в которую ехал. Охранник кивнул, выдал Жеке бумажный пропуск (его на выезде следовало вернуть с печатью названной организации) и поднял шлагбаум.

Со скоростью пять километров в час – ехать быстрее мешали остатки асфальтовой дороги – Жека въехал на площади, ранее занимаемые заводом резиновых изделий «Красный треугольник».

Сумеречная даже в солнечный полдень территория, ограниченная Обводным каналом с грязной стоячей водой, Старо-Петергофским проспектом и улицей Розенштейна (Жека называл ее улицей Розенкранца – Гильденстерна), дома на которой выглядели как сломанные зубы в гнилом рту города. Кирпичные, с осыпающимися углами, со слепыми окнами без стекол заводские корпуса – идеальная декорация для съемок фильма про Сталинградскую битву. Обвалившиеся эстакады. Высокие трубы, царапающие облака. Площади умершего завода сдавались в аренду – склады, офисы сомнительных организаций, какой-то токарный цех. Обесточенные, с протекающими в дождь потолками и подвалами, полными крыс, полуразрушенные здания по окраинам населяли кланы нелегалов из Средней Азии, с которых кормились регулярно заезжающие сюда копы. Один раз Жека увидел тут грязного пацана-таджика, пасущего двух чахлых баранов между ржавыми рельсами заросших железнодорожных путей. Столбы и стены по

всей территории были обклеены листовками с координатами агентств, оказывающих помощь мигрантам, а в бывшем цехе по изготовлению лент для транспортеров устроили нечто среднее между столовой, интернет-кафе, отделением «Western Union» и прачечной. Джентрификация наоборот оттенка среднеазиатского загара.

У покрашенных серой грунтовкой ворот с торца бывшего технопарка Жека остановил «лексус». Посигналил. Через полминуты ворота приоткрылись, из них выглянул Эргаш, взгляделся в салон, узнал и открыл ворота. Жека заехал в бокс, в котором, освещенные пятью или шестью парами ламп дневного света, стояли два «немца» – новенький С-класса «мерс» серебристого цвета и повидавший на своем веку «опель астра» хетчбэк. Капот «мерса» был поднят, возле него копошились узбеки в промасленных робах. Они оглянулись на Жеку, одарили его грязно-желтыми улыбками и вернулись к работе. «Жестоковейные племена! Все меню – баранина и конина. Бороды и ковры, гортанные имена, глаза, отродясь не видевшие ни моря, ни пианино», – вспомнилось Жеке.

– Ставь сюда, – скомандовал Эргаш, молодой, лет двадцати, племянник бригадира.

Он протянул вышедшему из «лексуса» Жеке руку.

– Салом.

– Держи ключи, – Жека без энтузиазма пожал ладонь, в которую намертво въелась черная грязь.

– Хорошо, да? – кивнул Эргаш. – Как дела? Как все прошло?

– Отлично. Где Темир?

– Сейчас будет. Решает вопросы, да? Подожди немного.

Жека подошел к «опелю», открыл дверь и поискал взглядом ключи. Они торчали в замке зажигания.

– Залили тормозной жидкости, – пояснил Эргаш, – теперь все будет в порядке.

– Спасибо.

– Не вопрос, слушай. Обращайся, если надо.

– Ты тоже.

В щель между разошедшимися створками ворот с улицы проскользнул Темир. В длинном черном халате и с расшитой золотом тибетейкой на голове, с окладистой бородой с проседью бригадир походил не то на Ходжу Насреддина, не то на звездочета, торчащего на олдскульной «рэпчине». Последнее – из-за белых дутых кроссовок в стиле восьмидесятых, купленных на ближайшем вещевом рынке. Увидев его, бригадир широко улыбнулся, сверкнув золотом во рту, и приветственно развел в стороны руки.

– Здравствуй, дорогой. Кушать хочешь? Чаю сейчас заварим.

– Спасибо-спасибо, Темир-ака, – поблагодарил Жека. – Очень тороплюсь. Извини, в другой раз.

– Куда все торопишься, Жека-джан?

– К девушке, на свидание... Будешь принимать машину?

– Конечно, – Темир погладил бороду. – Сам знаешь, первым делом – самолеты...

Они втроем (Эргаш следовал за ними как тень) обошли «лексус». Темир внимательно, словно покупал коня, сокола или слона – кто там у них в качестве домашних животных? – разглядывал автомобиль на предмет царапин и вмятин.

– Хороший «лексик». Молодцы япошки, – сказал Темир, ведя ладонью по крылу автомобиля, как по щеке женщины. – Работают на совесть, – и с улыбкой взглянул на Жеку. – Что в салоне? Больше не срался, Жека-джан?

Жеку бросило в краску.

– Всё в порядке, дорогой, – по-хитрому усмехнулся бригадир и достал из халата телефон. – Позвоню Аббасу. А ты езжай, раз торопишься, – и протянул ему руку с массивной золотой печаткой на пальце. – Точно не хочешь чая?

Шел бы он подальше со своими и чаем, и шуточками, подумал Жека, усаживаясь в свою машину. Он повернул ключ зажигания.

Из-за «опеля» вчера все и началось.

* * *

За день до работы Жека приехал к Темиру и оставил свою «астру» в боксе у узбеков. Из двух вариантов – уйти пешком сейчас или вечером после угона – он всегда предпочитал первый. Вдобавок тормоза стали вдруг схватывать не с первого раза, и Темир обещал с ними разобраться. Ребята у него ответственные, в бригаде дисциплина, так что Жека знал, что все будет в лучшем виде. Авторизованные центры отдыхают.

С площади Балтийского вокзала Жека позвонил Матроскину. Толстый и веселый Андрюха работал айтишником в ЛенАэроПроекте в двух шагах от метро.

– Матрос, ты домой едешь? А то лень на маршрутку пилить... Да, я уже у вокзала.

– Жди, еще минут пятнадцать.

Спрятавшись на остановке от резких порывов прохладного ветра, Жека разглядывал толпу на входе в метро. Над головой торопившихся с работы людей циклон закручивал облака в шестеренки небесного механизма, управляющего, кажется, не только этой людской толчеей, но и вообще всем. Включая ту лажу, которая случится с Жекой этим вечером.

Матроскин появился только через полчаса, когда Жека стал окончательно терять терпение.

– Лечил компьютер секретарши. Вирус поймала, сука тупая. «Ой, а что это у меня, Андрюша? А почему? А я ведь ничего не делала». Достали уже со своими соцсетями, – объяснил задержку Андрюха.

– Ты чего-то схуднул будто, – заметил Жека. – Штаны вон с тебя падают...

– Гетто-стайл, – хмыкнул Матроскин. – Джинсы сваливаются с жопы, потому что их донашивают за старшими братьями. Чем больше размер штанов, тем старше брат, и тем меньше вероятность, что до тебя докопаются, потому что твой брателло всем им навтыкает. Сечешь?

– Тогда тебе еще больше похудеть надо, – заметил Жека. – Мол, вас так много у мамки-папки, что еды на всех не хватает... Кстати, про еду. Я бы съел чего-нибудь. Ты как? Шаверму какую-нибудь...

– Давай лучше ко мне, – предложил Матроскин. – У Марго днюха. Праздновать будет в субботу, предки заявятся, а сегодня так, легкий фуршет для своих, без особой обжирати, но что-то будет.

С Маргаритой, сестрой Андрея, как и с самим Матроскиным, Жека был знаком с первого класса. Одно время, лет в восемнадцать, он пробовал встречаться с Марго. Тогда у них ничего не получилось, но дружеское участие сохранилось. Так что Жека вполне проходил по разряду «свой». Они с Матроскиным прыгнули в ушатанную праворукую «хонду» Матроскина, которой было сто лет в обед, и рванули на район.

По дороге зацепили огромный букет оранжевых гербер.

– А подарок? – спросил Жека.

Матроскин отмахнулся:

– Деньги подарю.

Марго, оторва с длинными рыжими волосами и с осеннего оттенка глазами героини анимэ, встретила их в прихожей.

– Ой, Жека! Тыщу лет не виделись! – она подставила щеку для поцелуя. – Молодец, что приехал! Проходи! – и ускакала ставить цветы в воду.

Жека скинул «гриндерсы» на пол и следом за Матроскиным прочапал в комнату, где громко, но не на полную катушку играл минимал. На подоконнике и на полу, в вазах и в

трехлитровой банке, стояли еще букеты. Гостей, кроме них, было четверо. Две девушки и два парня. Одна пара – до невозможности завитая блондинка с лишним весом и кожей цвета очищенной картошки и ботанского вида дриц в имиджевых очках и с татуировкой колючей проволоки на запястье – были вместе и постоянно это подчеркивали: держались за руки, чуть ли не обжимались на людях и называли друг друга «зайкой» и «лапкой». Жеку, конечно, не спрашивали, но, по его мнению, парню стоило звать свою подругу Бегемотищем, а девушке – его – Лжеочкаридой. Понаблюдав, как блондинка метет с большого блюда бутерброды, Жека добавил к ее определению слово «всепожирающая» и пристроил к себе на тарелку бутер про запас, пока они еще не закончились. Второй парень, по виду – суровый финский басдрайвер, вроде как имел виды на Марго, потому что всерьез обеспокоился Жекиным появлением. Поздоровавшись с ним, Жека дал понять, что неопасен, как выключенный паяльник. «Басдрайвер» Серж вроде как понял и завел беседу. Жека нехотя односложно отвечал на его реплики на тему футбола, подбираясь к последней гостье Марго, которая представилась как Настя.

Налили. Марго, Бегемотище и ее анорексичный дружок пили «кампари» с грейпфрутовым соком; Серж и Матроскин – датскую водку из хитрой, будто бы металлической бутылки с наклейкой мюнхенского «дютика»; Жека и Настя – вот и есть повод поухаживать и обменяться парой фраз – «джеймсон». Выпили за именинницу второй раз. Марго, Настя и Серж с Андреем танцевали под минимал, даже не танцевали, а слегка двигались. Музыка чуть приглушили, чтобы она не мешала разговаривать, и все активно общались между собой, но толстый Андруха занимал так много пространства, что к Насте было не подступиться.

Жека сел на диван, на другом краю которого залипала сладкая парочка, плеснул себе виски. Прикладываясь к стакану, поглядывал на танцующих. Заинтересовавшая его девушка двигалась грациозно, но без фанатизма и без посылы «Эй, все смотрите, как я умею танцевать!» Всего лишь дружеский ненавязчивый дэнс.

Выглядела Настя лет на двадцать семь. Высокая. Короткие прямые темные волосы, взлохмаченные гелем сильной фиксации в прическу «только что из постели». Темные, под цвет волос, глаза с холодным блеском – казалось, что изнутри девушку освещают лампы дневного света. Чистая бледная кожа – стильное ретро в эпоху искусственного загара. Тонкий нос с горбинкой, делавший ее внешность бескомпромиссной, как тарантиновские «Бешеные псы». Две косточки, две точки под глазами в начале щек. Выражение лица страстное и как бы высокомерное. Похожа на какую-то, сейчас не вспомнить ее имя, актрису. Одеты в синие с потертостями облегающие джинсы с треугольником «Guess?» на заднем кармане и в простую черную футболку с длинными рукавами.

Словно почувствовав, что Жека ее разглядывает, Настя обернулась. Они встретились взглядами. Жека отвел глаза, заметив, что девушка рассматривает его с ног до головы самым бесцеремонным образом. «Вот ведь», – подумал Жека и, поднявшись с дивана, сбежал на кухню, чтобы дать себе передышку. Там он встал у окна и молча допил свой виски, думая о том, что не хватало, чтобы ему понравилась девушка, с которой он даже толком и не разговаривал. Что за симпатии с первого взгляда? Прямо как школьник. Одуреть...

Из туалета на кухню ввалилась Бегемотище и стала пьяно кокетничать с Жекой, вынося ему мозг. Он уже хотел позабыть про приличия и сказать, что его сейчас стошнит от ее трясущихся, как желе, боков. От скандала спасло появление Марго и Насти.

– Ты что, здесь скучаешь? – спросила Марго.

– Позвонить надо было, – соврал Жека.

Подруги залезли в холодильник, выставили на стол всякую снедь и стали готовить новую порцию салата и бутербродов.

– Вам помочь?

– Да, налей еще выпить, пожалуйста, – попросила Настя, протягивая Жеке пустой стакан из-под виски.

Жека метнулся в комнату и вернулся со всей бутылкой «джеймсона», плеснул в стаканы и подал один Насте.

– Будь здорова, Шато Марго, – сказала Настя склонившейся над разделочной доской подруге.

Та кивнула. Настя и Жека чокнулись глухо звякнувшими стаканами. Жека глотнул сладковатого с перченым послевкусием виски, которое слегка обожгло гортань. Настя протянула ему бутерброд с тонко нарезанной ветчиной.

– Закусывай, – приказала она. – И иди пляши. Мы скоро придем.

Сказано это было таким тоном, что Жека не нашелся, что ответить. Только:

– Давайте, ждем вас и бутербродики!

– Долго ждать не заставим.

Дела плохи, успел подумать Жека по дороге в комнату. Не хотят с ним общаться. Ну и ладно, в конце концов, преодоление трудностей – разве не это путь силы?

Он оттащил отплясывающего с Бегемотищем Матроскина в сторону и спросил:

– Что это за Настя, не знаешь?

– Подруга Марго, чо? – пожал плечами Андрюха. – Они знакомы давно, долго не общались, вроде бы Настена жила за границей или что-то такое. Сейчас видятся время от времени.

– Матрос, а у нее кто-нибудь есть?

– «Кто-нибудь» – это кто? Кот? Папа-мама? Бойфренд? Если бойфренд, то не знаю. Она красивая, но пришла одна... – Андрюха прищурился. – Слушай, а может, она не по мальчикам? Сейчас это модно.

– Есть отчего впасть в отчаяние...

– Уныние – тяжкий грех! Ты лучше выпей! – посоветовал Матроскин, снова пускаясь в пляс.

От выпивки Жека решил воздержаться, памятуя о завтрашней работе. Впрочем, этого его решения хватило минут на пять, пока не появились Марго, Настя и бутерброды. Обе хором закричали:

– Продолжаем!

С красавицей налаживая связь, Жека пил, танцевал, ел бутерброды и таргалетки с красной икрой, роняя икринки на пол, и продолжал осаждать Настю. Втроем с Марго они завели дискуссию о музыке, но, даже танцуя, Настя пряталась от Жеки за кого-нибудь из гостей, на кухню или на балкон («немного подышать») не шла. От музыки и от «джеймсона» в голове Жеки шумело сильнее и сильнее. В какой-то момент минут на пятнадцать он завис на балконе с Бегемотищем. Пока она хохотала над рассказом Жеки о том, как в детстве они с Матроскиным запускали с этого балкона подожженные бумажные самолетки, тот решил, что эта глуповатая блондиночка не так уж и плоха. Беда в том, что она не одна, а со своим «зайкой». Хотя почему это должно его останавливать? Спасло, что внезапно выскочивший на балкон дружок Бегемотища закатил той сцену.

Оставив этих ненормальных выяснять отношения, Жека вернулся в комнату. Убитая лишним алкоголем и поздним временем, атмосфера праздника умирала. Серж настойчиво танцевал с Марго, что-то шепча ей на ухо, поднабравшийся Матроскин сидел на краешке дивана в обнимку со стаканом молока и планшетом. А Настю Жека обнаружил на кухне. Она колдовала над туркой. Обернувшись на шаги, мельком взглянула на Жеку и продолжила караулить закипающий кофе.

– Будешь пить его на ночь? – спросил Жека.

– Чтоб не уснуть в такси по дороге. Да он и не особо крепкий, такой скандинавский вариант, – объяснила Настя и резким движением убрала турку с огня. – Хочешь? Тут хватит на двоих.

– Ты уезжаешь? – запереживал Жека. – Не рано? Самое веселье начинается...

- О, я вижу! Мне пора, – пожала плечами Настя.
- Да подожди... – с досадой произнес Жека, беря ее за запястье.

Девушка окатила его холодным, каким-то геральдическим взглядом. Попросила:

- Руку убери. Пожалуйста.

Сказано было таким тоном, что Жека счел за благо отвалить, пока его не обварили горячим кофе. Устало опустившись на табуретку, он смотрел на девушку. Та налила кофе в кружку, щедро добавила молока, послатила. Присев на подоконник, сделала глоток. Все это время она не глядела на Жеку, а по ее лицу раз или два пробежала рябь микроэмоций.

- Вот вы где! – появилась на кухне виновница торжества, за спиной которой маячил Серж.

– Шато Марго, я поеду. Завтра на работу, – сказала Настя. – Сейчас такси вызову, пока кофе допиваю.

- В субботу появишься?

- Посмотрим. До субботы дожить надо.

- Проводишь девушку? – посмотрела Марго на Жеку.

– Если она не против, – ответил он. – Я заодно вам стихи почитаю, Людмила Прокофьевна, – пообещал он Насте.

Тесный лифт заставил пересечься их личные пространства, они стояли у противоположных стенок и смотрели друг другу в глаза. И тут Жека вспомнил имя той актрисы.

- Точно, ты похожа на Натали Портман. С глазами цвета виски.

– Комплимент пьяного мужчины, – усмехнулась Настя. – А у тебя глаза как шляпки ржавых гвоздей в свернувшемся молоке.

Жека подумал, что выглядит это, наверное, не очень. Они вышли из дома. Было темно и прохладно, из подворотен задувал ветер.

- Где живешь? – поинтересовался Жека.

- Далеко и дорого, – неопределенно ответила Настя. – Вот и такси...

Вызванная черная «камри» остановилась рядом с ними. Пожилой русский бомбила за рулем, Лепс из колонок.

- Спасибо, что проводил, – сказала девушка. – Пока!

- Пока, – помахал рукой Жека. – Знаешь, ты красивая, но при этом такая...

- Какая? – уже сев в «камри», Настя снизу вверх посмотрела на него.

Жека поискал слова, чтобы не нахамить напоследок.

– Будто сделанная в «Икее». Стильная и холодная. Но скоро сломаешься. Я сижу у окна, вспоминаю юность. Улыбнусь порой, порой отплюнусь. Это «отплюнусь» про тебя, потому что я постараюсь запомнить тебя толстухой.

Несколько секунд Настя внимательно разглядывала его, будто впервые видела, потом спросила:

- Как тебя зовут? Извини, но я забыла.

Забыла...

- Жека, – ответил он.

– Значит, Жека, – произнесла Настя с интонацией Веры Алентовой из «Москва слезам не верит». – Только этого мне не хватало. Доброй ночи.

- Доброй ночи.

Когда машина, увозившая его разбитое сердце, скрылась из виду, Жека двинулся к дому. Пойду плакать, подумал он. И слушать канадских хиппарей «A Silver Mt. Zion». Самую печальную музыку на свете.

Зазвонил айфон. Матроскин.

- Жека, ты куда свинтил?

- Настю провожал.

- Проводил? Ну, так давай возвращайся. Мы же не допили.

Хорошо, что есть на свете друзья.

* * *

С наступлением темноты дневная круговерть и сутолока Сенной с ее продавцами контрафакта, скупщиками краденых мобил, уличными музыкантами и бездомными в подземных переходах превратилась в круговерть ночную: студенты, с одинокими розами в руках поджидающие своих пассий, чтобы отвести их на вечерний киносеанс, многочисленные компании подвыпивших после работы, озирающиеся в поисках вчерашнего дня кавказцы и азиаты, стремные типки, пасущиеся возле метро и «Макдака», за окнами которого посетители увлеченно поглощали липкие, как скотч, калории.

Настю Жека увидел издалека. Она стояла чуть в стороне, под неярким уличным фонарем, переделывающим весь мир под себя, возле скамейки с металлическими тележными колесами по бокам. Одетая девушка была в тонкое пальто в крупную красную клетку, под которым угадывалось что-то деловое. Вчерашний «взрыв на макаронной фабрике» в стиле журналов от хайр-индустрии заменила асимметричная офисная прическа.

Припарковавшись у тротуара, под знаком, запрещающим остановку, Жека посигналил. Настя, посмотрев на «опель», неуверенно двинулась в его сторону. Глянув в зеркало заднего вида, Жека открыл дверь «астры», одной ногой ступил на землю, выпрямился и помахал Насте. Она улыбнулась и пошла быстрее. Сразу села в салон, и Жеку обволок цветочный аромат ее парфюма.

– Привет, – поздоровалась Настя.

– Привет. Круто выглядишь. Не холодно тебе в этой штучке?

– Нет, нормально, штучка теплая. Спасибо.

Жека встретился глазами с ее насмешливым взглядом и услышал:

– Как самочувствие после вчерашнего?

– В норме. А почему спрашиваешь?

– Ты когда меня провожал, таким удалым был...

– А, не-е, – протянул Жека. – Чего там? Вот Андрюхе – мы с ним до трех вчера заседали – действительно херово. Звонил с работы, жаловался.

Настя засмеялась:

– Ты по телефону сказал, что весь день не ел. Не поэтому разве?

– Все некогда было, – пожал плечами Жека.

– Значит, ужинаем? Есть предпочтения?

– В общем, все равно.

– Тогда я знаю одно местечко...

– Показывай дорогу, – Жека помолчал и вдруг признался. – До сих пор не верю, что ты мне позвонила.

Настя посмотрела на него и кивнула:

– Сама от себя в шоке... А с другой стороны, что такого? Просто ужин.

Жека не гнал, рассеянно смотрел на дорогу, боковым зрением изучая профиль девушки. Красивая, с волевым подбородком и ртом, готовым к улыбке.

Он только надеялся, что Настя не окажется «ихтиозавром». Так Фью называл девушек, подсевших на суши. Вернее – на то, что выдают за них в Петербурге. Опасная, как прыжки с парашютом, еда. Больше двух лет назад, бьющим все рекорды жары летом, Жека встречался с одной девушкой как раз из «ихтиозавров», которая регулярно подъедалась в «Евразии». Они тогда собирались на костюмированную вечеринку, перед которой Жека завез подругу в дорогу «Шестую часть суши». Официантки и посетители суши-бара оглядывались на ангела с белыми крыльями за спиной, который орудовал палочками над аригато-суши сетом. На вече-

ринку они так и не попали, потому что через час после еды девушке поплохело. Она захотела домой, но по дороге пришлось останавливаться. Через день ссылку на снятый прохожим на мобильник и размещенный на ютубе ролик «Что у ангела внутри» Жеке скинул Фью. Отношения с девушкой после этого как-то расстроились.

Жека вырулил на Гороховую. Включил радио «Эрмитаж». Настя покачивала головой в такт наполнившей салон музыки и разглядывала из окна вечерний Петербург.

– Люблю джаз, – Настя кивнула на магнитолу, прервав Жекины размышления. – Не фанатка и сильно в нем не разбираюсь, но послушать вечером полчаса бибоп – как котика погладить...

– Ты сегодня общительней, чем вчера, – заметил Жека. – И смеешься. Когда ты мне позвонила, я понял, что ты такая неэвклидова девочка.

Настя наморщила лоб.

– Сразу и не поймешь, комплимент это или нет... – она помолчала и спросила: – Знаешь, как это бывает? Устаешь от всего. От работы, от людей, от мужиков, раздевающих тебя глазами. Едешь отдохнуть к давней подруге на день рождения, где никто тебя не знает, рассчитываешь, что никто не полезет к тебе знакомиться...

– Ну да, – кивнул Жека. – И тут появляюсь я.

– Вот именно. Быстро пьянеющий и назойливый, при этом смешной и неглупый, даже какие-то стишата знаешь, но сегодня тебе это не нужно.

– И мысленно я тебя не раздевал, – добавил Жека. – Учти, пожалуйста.

– Учту. Так что умышленно я зла не делала.

Они выехали на Марата. Остановились.

– Вот здесь, – сказала Настя. – На той стороне.

Через улицу, наискосок от финского Визового центра, Жека увидел неоновую витрину с надписью: «Олдбой».

– Суши? – повернулся он к спутнице.

– Нет. «Гинза», замешанная как раз на джазе и мотивах корейских слэшеров.

– Хм... Надеюсь, тут не подают живых осьминогов?

– Впечатляет этот момент, правда? – засмеялась Настя. – Я когда стала смотреть фильм в первый раз, не знала, села перед ноутбуком с едой. Чуть клавиатуру не заблевала.

Жека засмеялся. Ему все больше и больше нравилась эта девушка со странной улыбкой. Нравилась все эти раскиданные в их разговор маячки для определения «своих». Он включает «Эрмитаж» – она любит джаз. Настя цитирует Довлатова и закидывает удочку насчет корейского кинематографа – а он в теме. И выглядит она не так, как на вчерашнем дне рождения, когда казалось, будто она – высшее существо, питающееся электричеством.

– Мне азиатские фильмы вообще напоминают машину времени, – сказал Жека, выходя из «опеля».

– Как это? – Настя даже остановилась и внимательно посмотрела на него.

– Когда я их смотрю, мне кажется, средневековым людям дали в руки кинокамеру. Все эти снятые крупным планом вырванные зубы, внутренности, зубила... Такое ощущение, что для них это так обыденно, как для нас выйти в интернет посмотреть погоду на завтра.

– Согласна.

«Олдбой» показался Жеке по-настоящему страшным. Один бы он точно свалил отсюда. Гардероб, куда Настя сдала пальто, по площади не уступал его квартире. В заполненном обеденном зале на стенах, отделанных под гранит, были вставки темно-красного цвета, на которых попарно висели перекрещенные катаны. Посетителей было немного, пожилые официанты внушали трепет, а из колонок приглушенно трубил, кажется, Армстронг.

Настин деловой прикид больше подходил для ужина в «Олдбое», чем Жекина кенгуруха. Один только ее пиджурик чего стоил – вроде простой по крою, без финтифлюшек, но сразу видно, что не просто так и не из дешевых.

– Как меня еще пустили сюда? – удивился Жека.

– Ну, «джек дэниэлс» они здесь тоже наливают, – скользнув взглядом по логотипу на его груди, ответила Настя.

Похожий на актера, игравшего в «Осеннем марафоне» (Жека снова не мог вспомнить его фамилию, беда у него с этим), официант подошел к ним.

– Добрый вечер, Настя, – сказал он. – Прекрасно выглядите.

– Здравствуйте, Вениамин Арсеньевич, – улыбнулась девушка. – Спасибо.

– Проходите, пожалуйста.

Меню в переплете из коричневой кожи. Кухня фьюжн. Дорого.

– Фирменный салат «Олдбой»? И не написано, из чего? Типа, меньше будешь знать – крепче будешь спать? Только примечание: «Сообщите официанту, если у Вас есть аллергия на продукты». Лучше не стану рисковать.

Настя заказала пасту кавольфьоре, а Жека вспомнил, что с августовских шашлыков не ел мяса, и попросил для себя мачете-стейк средней прожарки. Запивать все это решили боржомом. Вернее, решила Настя, сказавшая, что не хочет алкоголя, а Жека присоединился к ней, почему-то побоявшись взять себе у строгого официанта бокал красного вина. Вениамин Арсеньевич отметил заказ в своем электронном блокноте и сообщил, что им как раз пришла партия мяса аргентинских бычков, которым делали массаж и по сложному графику поили пивом.

– Вы серьезно? – спросил Жека у официанта – не мог удержаться, так ему было неудобно. – Массаж и пиво? С чипсами? Под Лигу чемпионов? – и ляпнул: – Может, добавок к пивку и сигаретка? Наверняка такие быки-мажорчики и покурить не отказались?

Настя рассмеялась. Лицо Вениамина Арсеньевича оставалось бесстрастным. Жеке показалось, что сейчас он спросит его имя и занесет в черный список в своем гаджете.

– Если и так, то производитель не счел нужным об этом сообщить... – Официант почтительно наклонил голову и удалился.

Жека посмотрел ему вслед, потом – на смеющуюся Настю и подумал, что, наверное, прилип на серьезные чаевые.

– Правда, он похож на актера из «Осеннего марафона»?

– На Басилашвили? Немного. Ага, особенно когда с покерфэйсом приносит клиентам коктейль с блюзом.

– Коктейль с блюзом? – переспросил Жека. – Это еще что такое?

– Всегда есть парочки, в которых кавалер нетерпелив, а дама дает понять, что не собирается ложиться в постель после первого свидания. А тут, в «Олдбое», конструктивный подход к этой проблеме. Завсегдатаи в курсе. Фирменный коктейль «Нейтронная бомба» в меню не значит. Впрочем, попросишь – зарядят бутирата и в мохито. «Федя, дичь!» А «Нейтронная» – потому что нейтрализует жертву. Дама выпивает коктейль, получает по мозгам удар химической палицей, раскрепощается, чувствует сексуальное влечение – и все, гоу-гоу, считай, она уже раздета.

– Так спокойно говоришь об этом. Это как бы аморально.

Настя хмыкнула и пожала плечами.

– Женщин нужно либо боготворить, либо бросать – все остальное, так или иначе, ложь... Здешнего директора постоянно обламывали красотки, он и придумал такой хитрый способ пожить ими. Я слышала, у него появились постоянные клиенты на этот счет. Такие, – она пошевелила пальцами, – с эластичной совестью.

Постоянные клиенты? Жека обвел глазами зал. За столиками сидело несколько пар. Ему стало не по себе. Сколько романтических изнасилований планируется тут в данный момент?

- Откуда тебе это все известно?
- Инсайдерская информация. Знаю, потому что работаю здесь.
- Работаешь?
- Подрабатываю, скажем так, – мотнула головой Настя. – Веду их бухгалтерию.
- Ты бухгалтер?
- Ага. Главный. В неглавной строительной фирме. А тут так – халтурка по знакомству, фриланс. А ты чем занимаешься?

Ответ на этот вопрос Жека придумал несколько лет назад, поэтому ответил без запинки:

– В автосалоне подьедаюсь. Устраиваю тест-драйвы, вожу пьяного директора домой и в сауну, кассира – в банк. Все в таком духе. Денег, в общем-то, хватает, работать стараюсь поменьше. Я как Питер Гриффин, не расцениваю работу как способ разбогатеть. Не умею копить деньги. Только начинаю, уже строю планы прикупить новый холодильник или сделать ремонт, тут подворачиваются компания и дешевые авиабилеты – и все... «Сначала разбей стекло с помощью кирпича. Из кухни пройдишь в столовую (помни: там две ступеньки). Смахни с рояля Бетховена и Петра Ильича, отвинти третью ножку и обнаружишь деньги...» Последние монетки трачу на обратном пути в «дюти фри», чтобы потом выпить с друзьями.

– Я тоже люблю путешествовать, – кивнула Настя. – Одно время вообще жила в Голландии.

- В Голландии? Долго?
- Не очень. Но насыщено. Даже визы лишили.
- Блин, круто! Расскажешь?
- Может, потом как-нибудь, – пожала Настя плечами.
- Слушай, извини, а где здесь туалет?

В кабинке мужского туалета прямо над унитазом висел большой постер с оскаленным Мин-сик Чхве – тем челом, что орудовал молотками в «Олдбое» и в «Я видел дьявола», а кафельные пол и стены были, как кровью, забрызганы гранатовой краской. Или кто-то с большими почками расплескал мимо унитаза? Мерцала голая лампочка, подключенная через какие-то хитрые реостаты. От этого мерцания Жеке стало неприятно, и некоторое время он не мог выдавить из себя ни капли.

- На таком горшке не засидишься, – заметил Жека, вернувшись за столик.
- Да? А что там?.. Нет, у нас чуть ли не в цветочек стены.
- Ваш туалет, наверное, из американского «Олдбоя».
- Ты заинтриговал, хотелось бы глянуть. Только как мне попасть в мужской туалет?
- Ну, есть ситуации, когда девушка может оказаться в мужском туалете ресторана.

Настя улыбнулась:

- Это когда женский закрыт по техническим причинам?

Официант принес пасту и стейк. Жека проводил его опасливым взглядом.

- Как думаешь, он мне в тарелку ядом не плюнул?
- Ешь давай.

Минуты три они молчали, прислушиваясь к джазу и собственным ощущениям от еды.

- Вкуснотища. Хочешь попробовать? – спросил Жека, указывая вилкой на стейк.

– Спасибо, я и пастой объемясь... Ты есть в социальных сетях?

– ВКонтакте. Хочешь – добавляйся в друзья, – предложил он и стал лихорадочно вспоминать, нет ли на его странице какого-нибудь непотребства или компромата.

- Добавлюсь. Как тебя найти там?

– А я без ников. Так прямо и ищи: «Жека Онегин».

Настя засмеялась:

– Да ладно! У тебя фамилия Онегин? Seriously? Евгений Онегин? Ученый мальчик, но педант?

Жека поморщился и кивнул:

– Когда Пушкина проходили, я специально заболел, чтобы не ходить в школу – и без того все ржали надо мной... А так, как ты, все, кстати, делают. Как узнают, каждый считает своим долгом процитировать что-нибудь из Александра Сергеевича. Я уже про дядю и про «небо осенью дышало» слышать не могу.

– А что такого? Забавно – Жека Онегин. Не хуже, чем Женя Лукашин. Вот мне бы такую фамилию.

– Выходи за меня замуж – и вперед, меняй на здоровье.

– Не Онегина, – смеясь, покачала головой Настя. – Лукашина.

– Купила! – сказал Жека и пнул девушку под столом. – А у тебя какая фамилия?

Настя намотала пасту на вилку, поднесла ко рту и, словно попытавшись спрятаться за ней, объявила:

– Соломон.

– Анастасия Соломон? Круто! – Жека посмеялся. – Нормально так для главбуха. Боюсь даже спрашивать про отчество. Филипповна? Это несерьезно. Вот если бы Моисеевна или хотя бы Львовна.

– Ну, так получилось. Фамилия мамина, а отец у меня русский. Из Вологодской области.

– Все вы так говорите, – Жека отрезал кусок стейка. – Пива, кстати, в нем я не чувствую.

Когда после ужина официант принес счет, девушка настояла, чтобы заплатить пополам, поэтому Жека оставил хорошие чаевые. Вениамин Арсеньевич с достоинством поблагодарил их, и они вышли на улицу.

– Отвезешь меня домой? – спросила Настя.

– Конечно. Садись, – Жека открыл перед ней дверь.

– Спасибо.

– Пристегнись, наверное, крепче... Где ты живешь?

– На Крестовском. Не далеко тебе? А то я могу такси взять.

* * *

Ночной город пересекли под гитарный инди-стаф, негромко игравший с флешки, и разговоры, в какие пускаются старинные и давно не видевшиеся друзья. Жека рассказал, что зависает в «Red Dead Redemption».

– Это где героя в финале убивают? – уточнила Настя.

Жека даже заморгал.

– Блин... Не знаю, я прохожу ее в первый раз.

– Ой, извини за спойлер, – засмеялась Настя и показала. – Вон мой дом.

Огороженное забором четырехэтажное здание на два подъезда. Большие окна и длинные балконы – прямо уголок Финляндии в Петербурге.

– Понтовая жилплощадь!

– Только не завидуй, квартира-то не моя... Зайдешь выпить кофе?

«Просто ужин», – сказала Настя в начале вечера. Ага, просто да не просто, подумал Жека, но ответить не успел. В кармане зазвонил айфон. Гребаные новые технологии.

– Алло? – сказал он, упершись в будоражащий его Настин взгляд. По спине побежали мурашки.

– Жека-джан, приезжай. Дело есть.

– Темир, я сейчас не могу. Что за спешка?

– Не телефонный разговор, Жека-джан.

– Давай завтра утром. Я сейчас с девушкой. Идем к ней кофе пить.

– Кофе ночью пить для сердца вредно, – усмехнулся в трубку узбек, потом в его голосе слышалась прямо-таки дамаская сталь. – Труп, который ты привез в «лексике», – заведи его отсюда, нам он не нужен. А девушка, если хорошая, подождет. С утра кофе и попьете.

4. Евробэйби

– Костров, тебя сюда каким ветром занесло?

– Был неподалеку, мне позвонили.

– Неподалеку? – Артемьев, оперуполномоченный уголовного розыска, поскреб серебряную щетину на лице и усмехнулся. – Опять кралю какую-то драл?

Молодой – недавний выпускник Академии – судмедэксперт, проходивший в этот момент мимо, заулыбался. Костров посмотрел на него красными от недосыпа глазами, пытаясь убить взглядом. Судмедэксперт ретировался в комнату.

– Кралю тоже, – не стал спорить Миха. – Я не женат, в свободном поиске, ищу свою половинку, так что имею право. А что, Олегыч, завидно? В следующий раз могу взять тебя с собой.

Артемьев, недавно отметивший серебряную свадьбу, покачал головой и поморщился. Лицо, будто бы вырубленное топором, с глубоко посаженными глазами, в которых прятался огонь, – таким, наверное, был тот старинный мужик с большой деревянной лодкой, доверху наполненной всяким зверьем, подумалось Михе. Как его звали? Ной, кажется. Детство Кострова прошло в атеистическом Советском Союзе среди пионерских сборов, занятий в Доме юного техника и футбольных тренировок, так что он не разбирался во всех этих религиозных хитросплетениях. Авраам родил Исаака или Адам – ему все равно. И как вообще может родить мужик?

– Ладно, что тут? – спросил он.

Артемьев пожал плечами.

– Хочешь забрать дело себе?

– Нет уж, и так пашу как конь.

– Когда пашешь как конь, сил на баб не остается.

– Знаешь, есть методы...

Артемьев засопел. Произнес:

– Сторчишься ты со своими методами... В общем, два жмура. Черный – даг. Талгат Гамидов. Тридцать два года. Зарегистрирован в Махачкале, если верить штампу в паспорте. Как говорят соседи, уже года три снимал эту квартиру. Есть информация, что он – владелец двух ларьков на Правобережном рынке. Утром проверим. Девка – Алина Вахрушева. Двадцать семь лет. Приехала из Кандалакши, Мурманская область. Род занятий – проституция, секс-эскорт, порноиндустрия. Сожительствовала с Марком Новопашиным, – опер выразительно глянул на Миху, – нашим бывшим доблестным сотрудником, уволенным, если ты помнишь, из органов. Мало тому падучей, так он еще решил СПИД подцепить от этой шлюхи, бя, – Артемьев достал из кармана пачку сигарет, чиркнул одноразовой зажигалкой. – Обоих завалили из девятимиллиметрового калибра. Судя по гильзам – из «макара». Никто ничего не слышал, так что, скорее всего, «сука» была с глушителем. Убийца (или убийцы, пока непонятно) зашел в квартиру, когда черный порол эту Вахрушеву. Замок тут левый, для профи – семечки. Дверь выбил уже Новопашин. Даг что-то услышал, стреманулся, подскочил и получил пулю в шею. В Вахрушеву выстрелили дважды. Наповал. Деньги, ценные вещи не взяли. Я отправил местного околоточного опросить соседей, но, думаю, хрен кто что видел. Сидят по норам, как обычно, и ящик шторят.

– Ясно. Что сам думаешь?

– Думаю, пришли за черным, а дамочка оказалась не в том месте и не в то время. Не повезло. Будем рыть мотивы. Хотя, если бы меня спросили, оформил бы глухарь – и дело с концом.

– Что-то на тебя не похоже, Олегыч.

– Вальнул кто-то двух антисоциальных элементов, делов-то. Черных сейчас как собак нерезанных. Шлюх тоже. Невелика потеря, честное слово.

– Ты страшный человек, Олегыч.

– Это ты меня еще после трехдневного запоя не видел. Кстати, о запоях. Не знаешь, что можно теще на день рождения подарить?

– Домик где-нибудь в Псковской области, чтобы поменьше маячила перед глазами. Там за сто тысяч можно нормальный взять... А где Марк?

– На кухне сидит, если ожил. Припадочный, мать-перемать. Кстати, пока он единственный подозреваемый... Чего смотришь? Может, дело было по-другому? Проводил Вахрушеву в квартиру к Гамидову, сидел под окнами в машине, свечку держал. Ну и взревновал внезапно. Может, услышал, как любовница его под черным кричит... Соседи говорят, шумно у них тут было. Или еще что. Он же на голову больной – кто знает, что он может придумать. Вошел и грохнул их обоих из «плетки». А потом – инсценировка приступа. Или настоящий приступ. Достоевского читал?

– Про отцов и детей который? Давно, в школе... Олегыч, хочешь сказать, что Марка таскал с собой «волюну» да еще – с глушителем? Как-то несерьезно, смешно.

– Несерьезно, – согласился Артемьев, – но не смешно. Ну, это я так, в порядке рабочей версии... На самом деле, думаю, дело в даге. Кстати, нашли у него тут дерьмо. Метод как раз. На раковине стоял – прямо как соль для ванной, целый пакет. Принимал его черный сам или для шкур держал, или там на продажу, хрен поймешь. Вены у него, во всяком случае, чистые. Эксперты сделают анализы крови позднее... – Он помолчал. – Вот еще что... Черному отрезали палец – большой, на правой руке. Уже после смерти. Ни сам палец, ни чем его резали, не нашли. Вот скажи, на хера он кому-то нужен?

Миха удивился:

– Палец отрезали? Зачем? – он вдруг оглянулся, будто тот, кто мог ответить на его вопросы, стоял у него за спиной.

– Ладно, надо идти работать, – сказал пожилой опер.

Он затушил окурок и через открытую входную дверь кинул его на лестницу, где стоял сержант и виднелась пара любопытных лиц то ли понятых, то ли просто обывателей. Артемьев еще раз покачал головой, пробормотал:

– В который раз жалею, что в свое время не поступил в педагогический. Сейчас был бы трудовиком. Или историком. Спал бы по ночам, два месяца отпуска летом, – и он пошел в комнату, откуда слышались голоса.

Миха открыл дверь на кухню, где было холодно из-за открытой форточки. Запах пороха, висевший в квартире, на кухне почти не ощущался. Или он уже привык? Возле старого обеденного стола, застеленного клеенкой – стандартная деталь интерьера недорогой съемной квартиры, – сидел Марк. Выглядел он куклой вуду, в которую воткнули гвоздь.

– Марка, – позвал его Костров.

Новопашин поднял на него глаза – не сразу, а с усилием, будто его взгляд весил центнер.

– Ты как, дружище? – спросил Миха.

Марк не ответил, только произнес:

– Как он прошел мимо меня?

– Кто?

– Убийца. Я же, считай, караулил у подъезда. Отлучился на десять минут – и все. Ее убили...

Он выглядел как человек, затеявший устроить вечеринку, а потом внезапно вспомнивший, что у него нет друзей. Такой же потерянный.

Костров помолчал, потом спросил:

– Приступ был?

– А?

– Спрашиваю: у тебя был приступ?

– Да, был. Несильный.

– Оклемался?

Марк воткнулся взглядом куда-то в грудь Михе.

– Я нормально.

– Вижу, – кивнул Костров.

– Не беспокойся, Костер, – сказал Марк. – Я в порядке.

Миха оперся спиной о древний холодильник, позвоночником ощущая его угол. Ему вспомнилось, как он заплатил за первую ночь Марка с Алькой. Не хватило бы ему тогда денег, наверное, не было бы ничего сейчас.

* * *

Ночь, когда они вдвоем уехали из «Реалити-шоу».

Рассчитавшись с «продюсером»-сутенером, Миха остался со строившей ему глазки Хищницей. Назавтра он позвонил Марку и сказал, что на вторую девушку денег не хватило.

– Напился в хлам – чтобы уже не стоял, и не так было обидно – и вернулся домой, – услышал Марк его голос в трубке. – Надеюсь, ты потрахался за двоих, счастливчик. И еще – что девчонка стоила своих денег. Потому что цена у нее, Марка, как у «порша». Пусть даже и подержанного, но все равно...

– Угу, – невнятно произнес Марк.

После короткого диалога он нажал отбой, привлекая к себе Альку-Рокстар, которая лежала в его постели, подперев ладонью голову, и смотрела на него.

Она действительно походила на «порш». Когда он ночью входил в нее, руки девушки блуждали по его телу, касаясь его лица, плеч и гениталий. В том, как она занималась сексом, все было продумано до мелочей, как в хорошем автомобиле, все было... эргономично. Первый (в ту ночь и за долгое время) его оргазм был похож на страшной силы лобовое столкновение с несработавшими эйрбэгами и непристегнутыми ремнями безопасности. Сказалось долгое воздержание Марка. А может, это его алкоголь так гладко лег на фрибейс, которым Алька зарядилась перед своим выступлением в «Реалити-шоу». Некоторое время он лежал, рассыпавшийся на осколки. Потом еще были столкновения – боковое по касательной и вновь лобовое. Настоящий краш-тест. Днем, невыспавшийся, с гудящей головой, он проводил Альку, вызвав ей такси. В какую-то секунду ему захотелось поцеловать ее, но он сдержался, вспомнив, кто перед ним. Ограничился тем, что взял номер телефона.

Марк позвонил ей через пару дней, в течение которых вспоминал их проведенную под стимуляторами ночь. Она ответила, что занята, но уже ближе к вечеру набрала его сама. Сказала, что сможет приехать к нему и остаться до утра.

– Бесплатно, – добавила она, – если накормишь ужином.

Повесив трубку, он ощутил в груди непонятный подъем.

Готовка никогда не была сильной стороной Марка, но он знал несколько секретных рецептов, почерпнутых из кулинарных передач, которые смотрела его бывшая. Варишь макароны (недовариваешь – и получается паста), добавляешь соус из потушенных томатов и кильки, посыпаешь пармезаном (прибалтийским), заправляешь оливковым маслом и бальзамическим уксусом (обе бутылки остались от жены) зеленый салат, огурцы и перец – вот и ужин в итальянском стиле, а ты сам прямо шеф-повар, выписанный с Сицилии.

– Думала, тупо закажешь на дом пиццу, – сказала Алька, накручивая спагетти на вилку, – а ты вон как расстарался.

Марк промолчал и подлил в бокалы белого вина.

– Ты очень красивая, – сказал он девушке.

Та сделала неопределенный жест. Пояснила, наматывая светлую прядь на палец:

– Просто мейкап. Я прямо со съемок к тебе.

– С каких съемок?

– Уверен, что хочешь знать? – внимательно посмотрела она на него.

Марк не был уверен. Пока он ничего не знал, у него оставалась надежда, что съемки, с которых она приехала, – это реклама нижнего белья или парфюма. Или фотосессия для корпоративного календаря какой-нибудь организации. Но он попросил:

– Расскажи.

Информацию о себе выдавала она неохотно, обычно в постели, когда они курили, отдыхая после секса.

Она приехала из Мурманской области, из городка, где умерла или была при смерти вся промышленность, работавшая по плановой экономике. Без блата поступила на бюджетное место в Финэке, после учебы устроилась в коммерческий банк. Скромной зарплатой операциониста с трудом хватало на жизнь и аренду комнаты в большой коммуналке на Четырнадцатой линии Васильевского.

Через несколько месяцев, в которые Алина едва сводила концы с концами, она кинула свою анкету на Мамбу – «хочу найти спонсора» в обмен на «секс на один-два раза». Спонсор появился быстро. Нестарый и даже непротивный коммерсант, имевший жену и четверых детей от двух браков. Они некоторое время встречались на нейтральной территории, потом расстались без претензий.

К тому времени на Алину вышло агентство, предложившее ей работу в эскорте и съемки вполне определенного – сексуального – характера. Поначалу это были эротические фотосессии, перемежавшиеся с видео в жанре «соло», но конкуренция в почти что безобидном сегменте индустрии была ошеломляющая. У Альки создалось ощущение, что каждая вторая девушка, приехавшая в Санкт-Петербург, желала раздеться и выставить на всеобщее обозрение свои прелести. Количество предложений серьезно сказывалось на гонорарах. Как источник дополнительного дохода такая работа прокатывалась, но накопить с ее помощью на свои личные квадраты в этом городе было нереально. Служба эскорта в этом отношении оказалась даже более денежным местом. И, когда поступило предложение от «Sineplex», Алька почти не раздумывала. В конечном счете, это не так уж сильно отличалось от того, чем она занималась в сопровождении – во всяком случае, поначалу. Питерский филиал американской порностудии «Sineplex» был мутной конторкой, но «модель-релизы» и контракты соблюдались безукоризненно. Возглавляли филиал два бисексуала средних лет. До этого таких «голубых» Алина не видела. Суровые, как зимняя рыбка, и матерые, как классические гангстеры времен сухого закона, без всяких сюсюканий и жеманных манер, парни, не взирая на свою ориентацию, одновременно трудились главными факерами филиала, и, так или иначе, все девушки, работающие на «Sineplex», проходили через них. Контент состоял из красивых русских моделей. Тэги: group sex, anal, DP. Платили хорошо, но деньги приходилось отрабатывать. Никакой тебе расслабухи большинства тин-студий, когда можно спокойно лежать на спине, раскинув ноги, и подшучивать над мальчиками, у которых от волнения эрекция опадала, как листья в осеннем Павловском парке. Все было очень серьезно и реально, и, когда гомосексуалисты затеяли новый хардкорный партнер-проект, Алина ушла от них после двух лет совместной работы в «Sineplex». Под псевдонимом Rockstar она оставалась в базах eurobabeindex.com, несколько раз летала на съемки в Чехию, но в основном занималась продажной любовью.

Что между ними было, Марк так и не понял. В отдельных жизненных вопросах Алька выступала расчетливой беспринципной сукой, и долгое время Марк считал, что она собирается как-нибудь его использовать. Но как можно использовать бывшего копа, к которому после многолетней ремиссии вернулась эпилепсия? Что с него взять? Даже квартира в микрорайоне,

граничащем с промзоной, была, по сути, не его. Жалела Алька его? Влюбилась? Через неделю после их знакомства в «Реалити-шоу» она, оставив за собой съемную жилплощадь на Черной речке, переехала к Марку, захватив с собой свой медленный ноутбук, который называла «пенсионером», лицензионные компакт-диски «Massive Attack» и «Portishead» и полтора десятка потрепанных книг в мягких обложках. Готовили по очереди. Марк – блюда попроще: пасту и овощное рагу, Алька – мясо с брусничным соусом и запеченную рыбу. Ходили в кино, много гуляли, держась за руки, разговаривая и смеясь. Романтика. А иногда, перед сексом, Алька ставила на ноуте ролики «Sineplex» со своим участием. Насколько это было нормально? Никто бы из них не сказал. Но заводило это обоих, и они трахались как ураган. Алька первая стала называть их отношения «фак стори». После оргазма курили, стряхивая пепел в пепельницу, стоявшую у Марка на груди.

– Я закурила в шестнадцать, – сказала Алька однажды. – Когда увидела в «Криминальном чтиве», как круто курит Ума Турман.

В те ночи, когда Марк оставался один, как поломанный поезд в депо, он залипал перед телевизором. Автоматически переключал каналы, не задерживаясь надолго ни на одном, пытался дождаться Альку. Сделать это получалось не всегда. Пару раз она приезжала через день. Он ничего у нее не спрашивал. Алька валялась на кровати, прячась от его взглядов за занавеской своих вьющихся волос, перечитывая Ле Карре, а когда Марк к ней притрагивался, морщилась и называла его ледяные пальцы (почему-то в такие моменты они всегда были ледяными) шпионами, пришедшими с холода.

Умолчав хозяину о причине его отставки из полиции, Алька помогла Марку устроиться в свое эскорт-агентство – водителем и охранником. Он возил ее и еще пять-шесть девушек на вызовы. Свои отношения они старались не афишировать, но все быстро всплыло. Однажды, когда Марк вез Альку с ее товаркой на очередной адрес, вторая девушка вдруг заметила:

– Смотрю я на вас и ничего не понимаю. Как вы живете-то друг с другом?

Марк промолчал и увидел, как в зеркале заднего вида Алька пожалала плечами.

– Он – просто вылитая копия Гая Пирса, моего любимого актера.

Кто такой Гай Пирс, Марк не знал. Когда он спросил, Алька показала ему фильм «Memento», где тот играл главную роль. Особого сходства с собой Марк не заметил. А кино ему не понравилось.

* * *

Они с Михой стояли в пустынном дворе и смотрели, как тела грузят в «труповозку». Санитары, молодые парни, в процессе погрузки обсуждали начальство. Марку вдруг захотелось отобрать у Михи его табельное оружие и начать стрелять по санитарам.

– Ты сейчас куда? – посмотрел Костров на друга.

– Не знаю, – ответил тот.

– Марка, двигай домой, – Костров взял его за плечо. – Самое лучшее для тебя сейчас.

– Хорошо.

Костров посмотрел, как Марк садится в «бэxu», нагнулся к окну, спросил:

– Доедешь? Или отвезти тебя?

– Спасибо, я сам.

– Ты давай держись.

Марк кивнул, завел машину, стал разворачиваться. Он уже знал, что делать. Отъехав, набрал в телефоне нужный номер. Ответили почти сразу:

– Что-то ты долго, – вкрадчивый голос был похож на шуршание газеты. – Подъезжай, дело есть. Я на месте, в «Файере», – и повесили трубку.

В голове висели остатки тумана, возникшего перед самым припадком, и Марк вел машину медленно. Двигался в правом ряду. Минуты через три он заметил сзади свет фар. Кто-то ехал за ним. Подпустив преследователя поближе, Марк узнал Михин «Мицубиси-Лансер». Провожает. Следит, чтобы он ехал домой.

Марк надавил на газ. Оторвался. Скинул скорость только перед Володарским мостом, где его с ревом обогнали два мотоциклиста. Пересек Неву, и, когда вырулил на полупустой проспект Славы, план дальнейших действий окончательно оформился в голове.

Свернув под Сортировочный мост, Марк заехал на неприметную заправку. Четыре колонки, на двух из которых отодраны пистолеты. Горящие лампами дневного света окна призаправочной кафешки «24 часа». Марк остановился возле павильона.

Внутри было чисто и пахло цитрусовым освежителем воздуха. Яркий свет заставил на несколько мгновений зажмуриться.

Служащий за стойкой из белого пластика был похож на недавнего сидельца. Пристальный взгляд в глаза, короткий ежик рано начавших сесть волос, синие наколки воровских перстней на пальцах, до черноты заваренный чай в кружке, тесная черная футболка с надписью: «Спаси и сохрани моих родителей». Где-то под стойкой – ствол, это уж наверняка. Вопрос в бесцветных глазах сменяется узнаванием, последовал легкий кивок головы. Марк махнул рукой и подошел к сидящему за одним из трех столиков человеку.

Барыга, у которого Алька брала фрибейс. Называла его профессиональным медикаментом. Употребляла нечасто, но иногда устраивала себе выходные, забивая все поры тела наркотиками. Марк время от времени присоединялся к ней – просто для того, чтобы ей меньше досталось. Прозвище барыги Дарджилинг казалось странным – дилер пил только кофе. Или он любил Индию? Курчавые волосы, загорелое лицо, «тоннель» в правом ухе, военного покроя куртка и штаны карго с, кажется, миллионом карманов – этим всем Дарджилинг походил на растамана. Увидев Марка, он отложил выдавший виды планшет с затыканным жирными пальцами экраном, отодвинул тарелку с недоеденным сэндвичем с красной рыбой. На бутерброде остался след от зубов, вытянутый, как укус волка.

– Здорово, мужик! – Дарджилинг протянул руку с тусклыми серебряными перстнями на пальцах. – Как сам? Решили с Алькой затариться?

– Нет, – Марк присел напротив, думая о том, что всего десять месяцев назад он бы приложил Дарджилинга лицом об стол и передал коллегам из Госнарконтроля.

Барыга, будто прочитав мысли Марка, задергался, заерзал. За спиной у Новопашина бывший экз за стойкой сделал какое-то движение. Марк не стал оглядываться.

– Не нервничай, все в порядке, – сказал он. – Хочу взять грамм дорогого.

Дарджилинг подал знак тому, что был за стойкой, громко сказал:

– Сема, приготовь кофейку, – и Марку: – Решил немного оторваться по-взрослому? Правильно. Сейчас все будет, мужик. Товар – высший сорт, просто пушка. Тема прямо из печки, недавно доставили...

Зная, чего они стоят, Марк пропустил мимо ушей обычные прихваты драгдилера, вешавшего, что его орех – стопроцентно колумбийский, ну так, разве что в Амстердаме немного разбодяжили спидами, но там сделали это не от жадности, а чтобы кайф был лучше и дольше, сам увидишь, мужик. Говорят, сама нидерландская королева, вроде как любительница снифа, долбит такой же, чуешь?

Марк не стал говорить Дарджилингу, что Беатрикс, королеве Нидерландов, больше семидесяти лет и вряд ли она торчит на кокаине, который мутят на какой-нибудь питерской квартире. Еще обидится. Марк просто заплатил барыге, подошел к стойке и получил от бывшего сидельца пакет с порошком.

– Эй, как у Альки дела? – спросил за спиной у Марка барыга. – Нарыл тут один ролик. С ней и еще с одной девахой. Чуть руку себе не стер, пока смотрел. «Firstanalquest», пять

долларов за просмотр пришлось сайту отвалить, суки жадные. Но там у нее и вправду квест. – Дарджилинг рассмеялся неожиданным визгливым смехом. – Ты-то еще не начал сниматься в их кино? А что – и удовольствие, и деньги в семейный бюджет. Привет ей передавай! Пусть заезжает.

В машине Марк включил свет, высыпал снег на опускающийся подлокотник, попавшейся под руку пластиковой дисконтной картой заправок «ПТК» раздробил комочки, сделал дорожку и через свернутую сторублевую купюру втянул в нос порошок. Слизистую обожгло так, словно в этом и заключался весь интерес наркобаронов и пушеров, через которых эта порция порченного амфетамином кокса дошла до Марка.

5. Назидание

– Откуда он здесь взялся?

– Кто-то забыл, наверное, слушай.

– Забыл? – Жека посмотрел на Эргаша. – Как зонт в транспорте, ты про это, что ли?

– Эй, Жека-джан. Что зонт? Ну, есть у тебя зонт, а тут солнце светит – и что толку в твоём зонте? Только мешается под рукой. А дождь полился, ну, пришел домой, голову тряпкой вытер, штаны-куртку высушил – вот и все, да? Зачем вообще тебе зонт? Он же на поле, как хлопок, не растет, да? Надо покупать, деньги тратить. А ты в следующий раз будь хитрым, как Алдар Косе, и на эти деньги лучше пашмак купи, скушай и меня вспомни – ай, Эргаш-джан, научил, молодец!..

– Он точно мертвый? Вы проверяли? – перебил рассказы молодого узбека Жека.

– Эй, мертвый. Что проверять? Дырка в нем, большая такая. И холодный – как мороженое или пингвин на Северном полюсе, слушай, смотрел тут про них...

Жека вздохнул.

– Ладно, Эргаш, потом про пингвинов. Где Темир?

– Сейчас будет, я ему уже звонил... Пойду чайнику горячо сделаю, да? Темир сказал, что ты кофе не успел попить, да?

Жека вспомнил, как он что-то сумбурно говорил Насте, придумывая срочную причину для своего бегства, и какой удивленный у нее был взгляд.

– Позвоню завтра, – пообещал он на прощание.

Настя не ответила – только махнула рукой и уклонилась от его рыцарского поцелуя в щечку.

По шаткой металлической лестнице Эргаш поднялся на второй этаж и скрылся за дверью. Жека остался возле угнанного вечером «лексуса», в открытом багажнике которого лежал труп. Это был – именно что был – невысокий кавказец лет сорока пяти или старше, свернувшийся в багажнике с прижатыми к груди коленями. Смуглое лицо с щетиной на подбородке виднелось лишь наполовину. По застывшему на нем умиротворенному выражению и по позе эмбриона, в которой лежал кавказец, у Жеки создалось ощущение, что мертвецу хорошо и лучше бы его не трогали вообще.

– Проблема, Жека-джан, – сказал неслышно подошедший со спины (Жека вздрогнул и обернулся) Темир. – Не пугайся, дорогой... Надо от него избавиться.

– Как избавиться? – спросил Жека.

– Я не знаю как, – пожал плечами Темир. – Выкинуть на свалку, закопать, скормить собакам. Знаешь, какие тут псы бродят, мигом съедят... В общем, как сам захочешь.

Как сам захочешь... Полчаса назад Жека, сытый и довольный жизнью, собирался идти в гости к красивой девушке, пить кофе на ночь глядя – что бы под этим ни подразумевалось. И вдруг он стоит в грязном кирпичном, провонявшем пловом и соляжкой боксе и слушает варианты избавления от тела убитого человека, которые на-гора выдает бывший инженер-электрик муйнакского консервного завода (это там, где пестицидные бури над высохшим дном Арала и ржавеющие в песках корабли).

– Амиго, вы же мне поможете? – заволновался Жека.

Последнее, чего ему сейчас не хватало, – в одиночку волохаться с мертвым телом. Как он вообще прилип на это? Как оказался труп в багажнике «лексуса»? И почему это Жекины проблемы? Он, что ли, его туда положил?

До Аббаса было не дозвониться, его номер не отвечал.

– Помогу, Жека, – погладил бороду пожилой узбек. – Тут есть токарный цех, видел? Там работает Ульмар-ака. Он – уборщик, у него есть ключи от помещения. Мы с ним из одного

махалля. Я сейчас позвоню, он отопрет цех, включит электричество. Подвезешь туда этого, – Темир кивнул на тело. – Ульмар покажет, как пользоваться гильотиной. Станок такой, металл режет. Порубишь тело на куски, будет легче спрятать. Ульмар потом все уберет. А с деньгами разберемся потом.

Решение элегантное, как сумо. Сглотнув подступивший к горлу комок, Жека ошалело уставился на Темира.

«И когда пилой режут горло собаке, не морщся...»

– Я не смогу разрубить его, Темир. Это же человек.

– Ну, если так, вези в полицию. Там у тебя его заберут, гарантирую. Только про нас никому не говори.

Это он так шутит? Лицо бригадира не выдавало никаких эмоций. Он что, серьезно? Серьезно?

Жека потер ладонью вспотевший лоб.

– Пойдем лучше чаю выпьем, – Темир взял Жеку за плечо. – Успокоишься, голова прояснится. Мысли придут в порядок. Пойдем.

Они поднялись наверх. Каморка в восемь – десять квадратных метров выглядела так, будто туда въехала шайка молодых дизайнеров или музыкантов, в несколько слоев покрыла кирпичные пол, стены и потолок светло-голубой краской, перемежая ее с антибактериальной защитой, повесила светильники «хэнд мейд» из того, что было, а потом съехала, оставив следующим обитателям неистребимый запах готовящейся еды. Замызганная электроплитка и когда-то белый электрочайник с отпечатками грязных ладоней на ручке были уже узбекскими артефактами.

«Путешествуя в Азии, ночуя в чужих домах, в избах, банях, лабазах – бревенчатых теремах, чьи копченые стекла держат простор в узде, укрывайся тулупом и норови везде лечь головой в угол, ибо в углу трудней взмахнуть – притом в темноте – топором над ней, отяжелевшей от давеча выпитого, и аккуратно зарубить тебя насмерть. Вписывай круг в квадрат...»

Регулярно работая со смуглокожими коллегами, волей-неволей выучишь «Назидание» наизусть.

У стола сидел Эргаш и разговаривал с открытым ноутбуком. Шифр его беглой речи на узбекском перемежался частыми компьютерными терминами. С другой стороны скайпа сквозь звонкий аудионасвай суфийской музыки отвечал другой узбек, ровесник Эргаша. Средние века вновь встретились с высокими технологиями.

Отодвинув Эргаша на угол стола, Жека с Темиром пили горячий зеленый чай. Не ощущая вкуса, обжигая язык и нёбо, Жека глотал напиток и глядел, как раскручиваются и раскручиваются в стеклянном чайнике заваренные уже в третий раз чайные листья. На глаза ему попался свернутый в углу молитвенный коврик. Подумалось, что если найти такой же, но большой, то можно закатать труп в ковер и выбросить. Как, интересно, отнесется к такому раскладу их Аллах?

Жеку озарило. Есть у него один знакомый татарин. Мусульманин, умеющий договариваться с Аллахом, потому что водку пьет как воду, а от шашлыков за уши не оттянешь. Олег Батяня. Найдя в айфоне нужный номер, нажал вызов.

– Алло? – услышал Жека вальяжный басовитый голос, пробивающийся через женский визгливый смех, шум посуды и другие звонкие звуки жизни. – Женек, ты, что ли?

– Олег, привет. Помощь нужна.

– А что надо-то?

– Тут это... Человек образовался вдруг неожиданно.

– Что за человек?

– Олег... Как бы сказать... Не по телефону бы... Ну, мертвый человек.

– Да ладно! Сбил кого?

– Нет, случайно нашел. Да точно, блин! Случайно.

– Случайно, – хмыкнул Олег, официально работавший ландшафтным дизайнером на Северном кладбище. – Ничего себе у тебя находки. Я вот один раз «Нокиа 3310» нашел, да и та с экраном разбитым. Сто лет назад было. А ты – сразу труп. И что надо от меня?

– Можно у тебя на кладбище похоронить? Тайком.

Батяня, на секунду задумавшись, спросил:

– А как же оркестр? Венки?

– Олега, блин, завязывай шутить!

– Понял. Не вопрос, зароем, Женек. Подселим к кому-нибудь в свежую могилу. В тесноте да не в обиде, верно? – Олег засмеялся. – Подвози завтра к вечеру.

– Завтра? Батяня, я думал, этой ночью замутим.

– Нет, Женек, это ты плохо думал. Я даже не в городе сейчас. На даче у друга синячу, вливаюсь в социум, отдыхаю от покойничков. Так что только завтра, извини.

– Завтра – поздно.

– Женек, да выкинь ты жмура за гаражами. И всего делов-то. Чего ты прямо как маленький? Или подожди, может, его кто-то просто потерял. Сейчас даст объявление по телевизору. Вознаграждение получишь – приходи. Бухнем... – Олег заржал над своей пьяной шуткой. – Ладно, мне пора. Если что, звони завтра. Только, ну ты понял, не с самого утра.

Жека убрал айфон в карман.

– У вас на территории можно его зарыть? – посмотрел Жека на Темира.

– Нет, – покачал головой тот. – Тут же люди живут, дети играют-гуляют. Вывези с «Треугольника», брось в Обводный канал.

– А если охрана попросит открыть багажник?

– Не попросит. Они тут сытые, ленивые. Ну а если попросят, одним телом больше – одним меньше, – Темир улыбнулся в бороду и встал, чтобы налить себе еще одну – наверно, десятую по счету – чашку чая.

Жека разозлился. Кругом одни остряки и юмористы. Сказал с досадой:

– Темир, тут серьезное дело, а ты веселишься, будто я тут клоун с дрессированными шариками... Твой племянник поможет?

Темир повернулся к Эргашу, что-то коротко произнес по-узбекски. Тот закивал, сказал скайпу: «Хайр!» – и закрыл ноутбук.

Жека спросил у бригадира:

– Где ключи от «лексуса»?

– Извини, Жека-джан. Ключи дать не могу. «Лексик» уже не твой. Я сказал Аббасу, что он у нас. Теперь я за него отвечаю. Его заберут завтра. А вдруг с ним сейчас что случится? Схватят тебя, к примеру.

Жека подумал, что это – самый вероятный конец истории.

– И что мне делать?

– А никаких проблем. Перегружай в свой «опель».

Твою же мать.

Спускаясь на первый этаж бокса, Жека думал о том, как получилось, что в багажнике машины, которую он должен был угнать в определенный день и час, лежал труп. Знал об этом Аббас? Или это – совпадение? Не смешно. Тогда что он, Жека, тут делает? Сваливать надо... Как бы там ни было, утром он позвонит Аббасу, все выяснит. Возможно.

Загнав «опель» в бокс, он поставил машину рядом с «лексусом». Эргаш открыл багажник «немца». Жека подошел и снова увидел тело кавказца. Глаз на той половине лица, которую можно было видеть, приоткрылся, отчего мертвец выглядел еще и печальным. Нет, не нравилось ему *там*. Эргаш бесцеремонно потянул труп за ноги и вопросительно взглянул на Жеку.

– Ну же, Жека-джан. Одна рука хлопкá не сделает. Хватай-тащи, да?

Жека заставил себя прикоснуться к кистям кавказца. Они были прохладными и твердыми как шар в боулинге. Чтобы не трогать их, Жека схватился за рукава куртки убитого, с усилием потянул. Вдвоем они кое-как вытащили труп из багажника «лексуса».

Господи, бля, Иисусе. И это Эргаш назвал дыркой? Живот мертвеца был вспорот от грудной клетки до паха. Через прореху на рубашке и сквозь разошедшиеся мягкие ткани Жека увидел что-то темно-красное, отливающее блестящей синевой. Так выглядит, если ее потрясти перед тем как открыть, банка со взятыми на рыбалку червями. И даже, как черви, шевельнулось что-то внутри. К Жекиному горлу взметнулась муть. Кавказец был невысоким и худым, но очень тяжелым. Когда, кряхтя от взятого веса, его подтащили к «опелю», Жека не сумел удерживать тело, выпустив сначала один рукав, через секунду – второй. Мертвый кавказец с противным чмокающим стуком ударился головой о бетонный пол. В ране на животе что-то всхлипнуло. Жеку чуть не вытошнило съеденным в «Олдбое» (как это давно было!) мачете-стейком. Он отвернулся, переводя дух. Вот бы Настя его увидела.

Эргаш, бросив ноги убитого, присел над ними.

– Ботинки какие! – восхищенно потрогал он светлые кожаные мокасины, надетые на ноги кавказца. – Тебе не нужны?

– Хочешь их забрать? – спросил Жека.

– Слушай, он ведь ходить уже не будет, да? Зачем хорошим вещам пропадать? Халат – того, кто его надел, конь – того, кто на него сел... Эй, что такое? Никак не снять. Помоги, Жека-джан.

«В Азии сапоги – первое, что крадут...»

– Пошел ты к черту.

– Зачем говоришь так, да? Ты, наверное, сам хотел ботинки забрать? Хитрый ты, Жека-джан. Шайтан, да? У тебя ведь есть, а я брату в Душанбе отвезу, не скажу, где взял, он рад будет... Не слезают. Сейчас отвертку возьму, поддену.

Сверху раздался громкий голос Темира, по-узбекски заругавшегося на своего племянника.

– Вах, не повезло! – покачал головой Эргаш. – Хватай-тащи, Жека.

Они подняли тело и перекинули его в багажник «астры». Мимо просвистела мертвая рука с волосатым запястьем, чуть не ударив Жеку по лицу. Эргаш принялся сноровисто приминать труп, чтобы багажник закрылся.

– Эй, какой маленький у тебя багажник, Жека-джан... А если бы Майкла Джордана грузили? Который баскетболист, да? На крыше бы везли, да? – узбек засмеялся, довольный своей шуткой.

– Нужен груз, Эргаш. Тело утопить. И веревка.

– Слушай, сейчас все найдем, – кивнул узбек и скрылся в подсобке. – Держи, Жека! – кинул ему моток стальной проволоки.

Потом, сопя, вытащил древний осциллограф.

– А это что?

– Груз, слушай, сам же просил. Давно стоит, выкинуть жалко было. Теперь пригодился, да? Ну и выкину вроде как. Два зайца в одном яйце, слушай. Не беспокойся, Жека. Утонет как водолаз-скалолаз, да? Отойди скорее уже! Тяжело!

Эргаш опустил ящик осциллографа на грудь кавказца, покачал головой, прокомментировав: «Не поместится, да?», и передвинул его на лицо.

– Ты что делаешь?

– Эй, а что? Ему не больно все равно, да? – Эргаш хлопнул крышкой багажника. – Вот!

– Едем? – спросил Жека.

– Подожди пять минут, – попросил Эргаш. – Переоденусь, разрешение на работу возьму там, документы.

– Зачем?

– Без документов милиция сразу забирает, да?

– А так не заберет? С трупом?

– Ну, денег дадим им...

– Денег? – Жека почти безучастно смотрел на полного сил Эргаша. – У меня столько нет.

– А сколько у тебя есть? – заинтересовался узбек.

– Тебе зачем?

– Для дела, да? Слушай, Жека-джан. Мы тут с другом стартапчик хотим заделать. Вложи в нас свои деньги.

– Стартапчик? Блин, Эргаш... Мне вот интересно, тебя совсем не напрягает эта канитель?

– А чего? Не мы же замесили его, да? Зачем нервничать? Насилие – это камень, брошенный в воду, да? От него круги расходятся, волны – так ты не греби, а качайся на этих волнах. Так – плюх-плюх.

– Ты, бля, еще серфингом займись, – сказал Жека и сел в машину. – Ментам что будешь говорить, когда повяжут с трупом? Про волны?.. Поехали.

Скверная история. Откуда же взялся этот кавказец? Кто убил его? И каким боком он, Жека, влип во все это? Кофеиновый барьер (три чашки зеленого чая, выпитые с Темиром) между ним и реальным миром не давал сосредоточиться, мысли скакали, путались и обрывались.

– Не ругайся, Жека-джан! Сейчас, только в хожатхону схожу. А то... Как это по-русски? Полный член воды.

Узбек открыл ворота бокса. Жека выехал на улицу, где было темно и, кажется, холодно. Притормозил, ожидая Эргаша. Тот отошел за угол и пристроился к стене. Хожатхона, покачал головой Жека.

Медленно, освещая фарами выбоины, они подъехали к шлагбауму. Из будки появился охранник.

– Не спится? – зевая, спросил он.

– Да, мы совы вроде как. Ночью гуляем, потом дрыхнем до обеда, – ответил Жека.

– В дырке в дереве дрыхнем, ага, – громко добавил Эргаш. – Хры-хры, да?

– Сигаретки не найдется, совы?

– Не курю, – ответил Жека.

– Насвай будешь? – перегнулся через Жеку Эргаш.

– Нет, сам жуй, – страж сплюнул и поинтересовался. – А в багажнике что?

Жека встретился взглядом с сонными глазами охранника.

– Труп, – сказал он. – Будешь смотреть?

Эргаш рядом шумно выдохнул.

– А чего его смотреть? – махнул рукой страж. – Накладная есть? Значит, все в порядке...

Жека тронулся под не до конца поднятый шлагбаум.

– А пропуск? – напомнил охранник.

Эргаш снова нагнулся к окну водителя.

– Вот пропуск, – сказал он, протягивая бумажный квиток с печатью. – ООО «Винтик-Шпунтик».

– А ты кто? – спросил охранник, принимая пропуск. – Винтик или Шпунтик?

– Я Эргаш, да? А «Винтик-Шпунтик» – это автосервис...

Охранник махнул рукой:

– Проезжайте.

Жека выкатил на набережную.

– Ты зачем ему сказал, что мы труп везем? – повернулся к нему Эргаш.

- Чтобы нас пропустили. Это называется сарказм, – ответил Жека.
- Эй, слушай, я знаю сарказм. Дедушка из Коканда умер от сарказма. Плохая болячка, да?
- Вроде того... Куда ехать?
- Вперед метров двести, там будет мостик такой. Сбросим с него.

У мостика Жека затормозил, включил аварийку, они с Эргашем вышли из машины. Тишина. Луна, наполненная дрожащим серебристым цветом. Зловещие темные силуэты промышленных зданий с обеих сторон Обводного. Кровавый отблеск моргающих аварийных огней «опеля». Не хватало лишь каркающих во тьме воронов.

«Бойся широкой скулы, включая луну, рябой кожи щеки...»

Двоем вытащили осциллограф из багажника и доволокли до моста.

– Тяжелый какой...

Внизу, на поверхности черной воды, Жека увидел какое-то движение.

– Эй, кто там, да?

Ответом на вопрос Эргаша раздался звук, похожий на дабстеповую «пилу».

– Утки, да? Жека-джан, может, поймаем, у нас пожарим с яблоками, да?

– Где ты сейчас яблоки возьмешь?

– До «Ленты» сгоняем, слушай. Одна нога здесь, другая – тоже здесь.

Жека вздохнул. Вернуться к «опелю», выкинуть труп из багажника прямо на проезжую часть и дать по газам. Пусть хоть утку с яблоками жарит, хоть труп с черносливом по-бургундски.

Послышался приближающийся шум. По другой стороне набережной со стороны Балтийского вокзала пролетела тачка с прогоревшим глушителем.

– Э, шайтан громкий, да? Всех уток распугал! Ладно, завтра приду. Наловлю.

Проводив взглядом габаритные огни, Жека посмотрел на Эргаша.

– Пойдем, дружище.

Рукав куртки убитого, за который его Жека вытаскивал из «лексуса», видимо, при перегрузке из багажника в багажник испачкался в запекшейся крови. Прикасаться к нему Жека не хотел. Сделав над собой усилие, он взялся было за руки мертвого человека, но тут же удивленно отпрянул. Что-то было не так у него с левой рукой. Жека пригляделся. На руке кавказца отсутствовал палец. Вместо мизинца – обрубок в фалангу.

– Ты, что ли, вместе с кольцом каким отрезал? – повернулся Жека к Эргашу.

Тот затряс, замотал головой и предположил:

– Может, у него всегда было четыре пальца. Давно.

– Да, точно, как у Симпсонов, – кивнул Жека, продолжая разглядывать руку кавказца. Кажется, мизинец потерял им давно. – Ладно, вытаскиваем. Пальцем больше – пальцем меньше.

Операция по извлечению тела из машины заняла три минуты. Кряхтя, Эргаш проговорил:

– Ох, нелегкая это работа – из болота тащить бегемота. А интересно, бегемот вкусный?

Ты не знаешь, Жека-джан?

– Ты не ужинал?

– Зачем не ужинал? Плов съел, перед тем как ты приехал. Но батыр всегда кушать может.

Они опустили труп на середине моста. Жека свел ноги мертвеца вместе, а Эргаш принялся обматывать их проволокой.

– Как мы перекинем его через ограждение вместе с осциллографом? – спросил Жека. – Не поднимем ведь.

– Эй, сейчас увидишь.

Неуклюже перевесили тело через перила моста. Ноги с одной стороны, торс – с другой.

– Теперь давай осциллограф, Жека-джан.

Жека нагнулся за осциллографом и клетками кожи ощутил внезапное движение. Обернулся, но было поздно. Труп кавказца соскользнул с ограждения и полетел вниз. Раздался всплеск воды.

– Бля, упустили! – выругался Жека.

– Сейчас попробуем попасть в него этой штукой, – произнес Эргаш, ставя осциллограф на место, где только что висел кавказец. – Может, утонет тогда, да?

Жека не успел возразить, как узбек толкнул ящик осциллографа с моста.

Всплеск от его падения в воду. Испуганное кряканье уток.

– Не попал, кажется, да? Жека, вернемся на «Треугольник». У меня есть еще старые аккумуляторы, сдать хотел. Привезем и кинем их.

– Ты «морской бой» тут устроить хочешь?

– Жека, не ругайся, да?

– А этот так и будет плавать?

– В реку унесет или рыбы съедят.

– Какие тут рыбы?

– Ну, я не знаю, да? Караси какие-нибудь. Можно в Яндексe спросить. Доставай айфон, да? Карасей наловим, со сметаной пожарим...

Жека молчит, прикидывая, сколько его отпечатков и этих... микроволокон, да?.. осталось на трупе. «Ну и денек», – думает он, дрожащими руками цепляясь за перила моста, чтобы не упасть самому следом за выпотрошенным трупом и осциллографом.

6. Дракон с татуировкой девушки

Его чувства обострены до предела, остро заточены кокаиновым приходом. Реакция и периферийное зрение – как у пилота F1. Мысли в голове – обо всем сразу. Запиши их – и можно будет отхватить Нобелевскую премию. Сердце бьется в конвульсиях – зверь, на последнем дыхании забравшийся в нору грудной клетки, чтобы там умереть. Рвущийся из штанов пенис превращен наркотической эрекцией в еще одну ручку переключения передач.

Ощущение потери куда-то спряталось, или он оторвался от него, когда стартовал с той заправки под мостом. Чувство вины – теперь это просто кусочки серого вещества в его черепе.

Марк облизывает губы сухим языком, сглатывает комок в горле. Жажда, будто он неделю не пил. Хотя бы глоток воды...

Он пронесится мимо сетевого суши-бара и кафешки «Капучино в Купчино». За большими окнами – посетители (кофе в такой час?) и повернутые большими экранами на улицу ЖК-телевизоры. Наверное, для того, чтобы местные бездомные могли собраться снаружи и посмотреть «Fashion TV».

Со Славы Марк сворачивает на Бухарестскую. Две минуты – и вот он, клуб «Firewall». Филиал ада, если Марка кто-то спросит. Приложи ухо к асфальту Альпийского переулка – и сквозь уханье басов услышишь приближающийся гул копыт. Всадники Апокалипсиса.

Марк паркуется в квартале за клубом под окнами многоэтажки, неосторожно вставшей прямо у проезжей части. Пешком доходит до «Firewall», проскальзывает под висящей над входом черной с аэрографическими языками пламени «победой» и видит двоих охранников, один из которых кивком головы направляет его к окошку кассы. Марк приподнимает руки вверх и произносит:

– Я к Драгану, парни. По делам.

Охранник, послывший его к кассе, узнает имя, отворачивается, быстро, двумя фразами решает вопрос по рации и спрашивает у Марка:

– Знаешь, где он?

– Да, найду.

Мимо афиши состоявшегося мероприятия «Цой жив!» Марк попадает в большое помещение, декорированное мотоциклами вроде старенькой «хонды» или «Урала». «Зал рок-н-рольной славы», как он тут называется.

Дым коромыслом. Сцена пустая, на танцполе под «Секрет» отплясывает толпа. Взгляд Марка выхватывает странных персонажей. Похожая на кузнечика тощая девица с маракасами в руках. Тип в деловом костюме, из-под которого видна тельняшка. Боров в расстегнутой рубашке, обнажившей волосатое брюхо. Все столики заняты. К барной стойке длинные хвосты стоящих за алкоголем людей. Пролететь мимо них – героический поступок, но Марк сейчас не в том состоянии, чтобы зависать в очереди. Он проталкивается к стойке и, на мгновение опережая худого очкарика, говорит бармену – унылого вида парню в темно-синей фирменной футболке:

– Одну «колу», пожалуйста.

Бармен кивает, поворачивается к холодильнику у себя за спиной и достает банку кока-колы. С шипением открывает ее.

– Лед нужен? – спрашивает он.

– Да.

– Лед платный, – предупреждает бармен, кидает в высокий стакан три кубика льда и наливает поверх них пенящуюся коричневую жидкость.

Очкарик, перед которым Марк пролез, молчит, но стоящая за ним блонда-малолетка, которой давно пора спать – завтра в школу, начинает выступать.

– Эй, тебя тут не было. Чего лезешь без очереди?

Марк с трудом улыбается. Мышцы занемели, будто ему сделали пересадку от лица Сильвестра Сталлоне.

– Извини. В аэропорт тороплюсь, бабушка прилетает, надо встретить.

Неудачная шутка не срабатывает. Блонда, фэйс которой выглядит стремной маской из слоя косметики, толкает его рукой в грудь.

– Ты, бля! – громко произносит она в духе «Дома-2». – Самый умный? – и обещает: – Сейчас с тобой разберутся!

Бросает свою очередь и, оглядываясь, уходит к столикам. Очкарик старательно прячет злорадную ухмылку, бармен в ожидании бесплатного зрелища не спеша отсчитывает сдачу с крупной купюры. Марк в несколько длинных восхитительных глотков осушает стакан, морщится от ударивших в нос газов, засасывает со дна в рот пару кубиков льда, сгребает в карман сдачу и отваливает от стойки. Огибает танцующую толпу, подходит к неприметной двери с табличкой «Только для персонала», набирает несложный код и оказывается в длинном как кишка коридоре, тускло освещенном редкими лампами. Как только дверь за Марком захлопывается, со стороны танцпола в нее стучат кулаком. Неразборчивый возглас, и в дверь начинают бить ногами. Не обращая на это внимания, Марк идет по коридору. С каждым его шагом музыка и удары в дверь становятся тише и пропадают, когда он сворачивает в совсем узкий боковой проход.

У него возникает неприятное чувство, будто стены сжимаются. В трубах, идущих по потолку, шумит вода. Лед стремительно тает во рту. Коридор длинный, Марку кажется, что он уже в другом здании. Перед ним возникает металлическая лестница вроде корабельной. Марк вбегает наверх, не касаясь руками перил, и оказывается в небольшом помещении, где два здоровых охранника развалились в разномастных мягких креслах и смотрят в мониторы, куда приходит изображение с установленных в клубе видеокамер. Мельком Марк замечает на одном из мониторов вид изнутри кабинки туалета. Охранники хотят что-то спросить у Марка, но на мониторе в кабинку рывками, как космонавт, заходит девушка и начинает расстегивать джинсы. Внимание охранников тут же переключается на нее, и они машут руками:

– Проходи, тебя ждут.

За дверью полсотни квадратных метров, наполненных ионизированным воздухом. Приглушенный свет, климат-контроль, экзотические широколистные растения в кадках. Хозяин – этакий агрессивный «зеленый», помешанный на экологии, биопродуктах и чистом воздухе, все это – в условиях шестимиллионного мегаполиса. Посреди комнаты друг против друга стоят два эргономичных дивана, мягкие спинки которых сделаны из прозрачного материала. Какого именно, сказать трудно. Марк знает только, что девиз фирмы, изготовившей диваны: «No waste». Между диванами – стеклянный столик, уставленный бутылками и пакетами с чипсами, на краю лежит журнал с голыми красотками.

В комнате двое – каждый сидит на своем диване – смотрят по телевизору с диагональю, как размах крыльев сверхзвукового истребителя, «Подводную одиссею команды Кусто» или что-то вроде этого. При появлении Марка они отрывают глаза от флегматично скользящих по экрану рыб. Один из них делает приглашающий жест, и Марк опускается на край дивана напротив сделавшего ему знак. Кожаная обивка под вспотевшей ладонью Марка неожиданно напоминает ему об Альке. Два огнестрела, раскрытые глаза, бело-синее постельное белье, труп кавказца на полу...

– Рассказывай, что там и как, – Драган пультом убавляет звук.

Пока Марк говорит, он смотрит в глаза Драгану. У того целлулоидный взгляд, причина которого – непрерывные «Мальборо лайт» с афганским хашем, совершенно неясным для Марка образом сочетающиеся у Драгана с личным тренером по йоге, мюсли на завтрак и любовью к обогащенному кислородом воздуху. Его темные волосы коротко пострижены, мускулы

играют на мощной шее, по ней под одежду сползает кельтский узор татуировки. Выражение лица – умиротворенное, будто Новопашин рассказывает ему сказку на ночь.

Отец Драгана – югославский инженер, серб по национальности – познакомился со своей будущей женой, врачом из Советского Союза, на стройке электростанции в Египте. Из Африки они вернулись официальными мужем и женой, жили в Ленинграде, воспитывали вскоре родившегося сына, Драгана. Тот рос любознательным, с техническими наклонностями, но немного вспыльчивым парнишкой. Когда пришла пора получать высшее образование, пошел в электротехнический институт, но вскоре начались лихие девяностые, и Драган выбрал путь криминала, по собственному усмотрению трактуя УК. Умный, хитрый и жестокий, он пережил многих поделщиков и конкурентов и занял свое место под солнцем. Отчасти из-за своих качеств, отчасти из-за имени, отчасти из-за бешеного темперамента он получил прозвище Дракон. Под этим именем Марк его и узнал, когда с помощью Альки устроился водителем-охранником в эскорт-агентство, где при номинальном директоре – глуповатом парнишке лет двадцати пяти, чем-то родственнике – за главного был Драган.

Его боялись. Он был суров, но, надо отдать должное, справедлив. Вроде предприятия с вредным производством, выплачивающим повышенные экологические платежи. Всегда был готов отпустить ту или иную девушку из бизнеса или на заработки в смежные области вроде Алькиных порно съемок. Никогда не рукоприкладствовал, наоборот – защищал работниц. Алина как-то рассказала, что однажды Дракон в одиночку приехал ночью в квартиру, где двое пьяных менеджеров, ушедших в отрыв с премиальных, избili его проститутку, и отправил их в больницу, уходив одного кастетом, а другого выкинув из окна третьего этажа. И через день улетел волонтером на побережье Мексиканского залива спасать местную экосистему от разлившейся нефти. В другой раз он ехал по Сампсониевскому, когда из шедшего впереди него «джука» с блатными номерами в форточку вытряхнули пепельницу. Драган подрезал «ниссан», за рулем которого сидела девица, немедленно заявившая, что она – дочка какого-то чиновника из Смольного, и начал вежливую неспешную беседу о том, что мусорить там, где живешь, – плохой тон. Дочка чиновника скривила модельную мордашку и что-то ответила. Тогда Драган за волосы вытащил заверещающую красотку из «джука» и буквально повозил лицом об асфальт. Потом уехал, пообещав девице, что найдет ее и отрежет ей губы, если она поднимет шум. «Чем мохито и члены сосать будешь?» Судя по всему, девица ему поверила.

Марк заканчивает рассказывать.

Драган затягивается сигаретой, что-то думает, затем говорит:

– Познакомься, Марк, – и показывает на сидящего на диване напротив.

Уже второй за вечер кавказец. Только этот живой. Старше Драгана лет на десять, он одет со вкусом, явно дорого, серьезные часы на руке, на правой части лба свежая не то ссадина, не то рана, зашитая хирургом. Поломанные хрящи ушей выдают в кавказце бывшего борца.

– Это Джонни И. Депп, – представляет его Драган. – Совладелец моего бизнеса.

Замороженные кокаином эмоции позволяют Марку пошутить:

– Он Джонни или Депп? И где второй?

Кавказец и Драган смотрят на него, потом серб произносит:

– Мне говорили, ты ее любишь... Джонни И. Депп. «И» означает – Ильяс, его настоящее имя, а Джонни Депп – прозвище вроде моего. Он веселый парень, как Джек Воробей, да, Ильяс?

Сейчас этот Ильяс совсем не кажется Марку веселым парнем. Скорее – человеком, только что закопавшим в землю своего пса, которого ему щенком подарили на день рождения в детстве.

Кавказец проводит рукой по ране на лбу. Говорит:

– Человек, которого убили с проституткой, – мой родственник, сын сестры. – Он делает паузу. – Я взял его в свое дело...

– Метадон, – перебивает Ильяса Марк, – имеет отношение к твоему делу?

Ильяс смотрит на Марка, на закуривающего новую «мальборо» Драгана. Тот делает знак – одними глазами.

– Метадон – и есть дело, – произносит Ильяс. – Почему спрашиваешь?

– Нашли на квартире, где произошло убийство, – поясняет Марк. – Этот твой племянник, он употреблял?

Внезапно до Марка доходит, что кокаин отпустил его раньше, чем он ожидал. Он начинает чувствовать то, к чему минуту назад был глух, видеть то, чего не замечал раньше.

Например, двух девочек лет по четырнадцать, которые в дальнем углу комнаты с помощью неизвестных ему гаджетов перед большим телевизором (не меньше того, в котором плавают рыбы и команда Кусто) играют в теннис. Вскрикивают, нанося виртуальные удары, сопят, пытаясь дотянуться до трехмерного мяча из двоичного кода. Отблески зеленого корта освещают их скулы, а из-под коротких юбок в шотландскую клетку то и дело выглядывают трусики. В стене над девочками – вытянутое окно с концентратором – линзой, собирающей днем солнечный свет и греющей им полосатый, под шкуру амурского тигра, ковер с коротким ворсом. Алька говорила по секрету, что, в хлам обкурившись, Драган любит на нем поваляться.

Драган перехватывает взгляд Марка и поясняет:

– Разнюхал телочек спидами, чтобы потрахаться от сердца, и тут вся канитель началась. А их прет на движ. Спустились потанцевать – не то. Вернулись сюда, видишь – теперь играют. Уимблдон у них. Стонут, как Маша Шарапова, а я еще и не дручу их.

Драган смеется. Его смех похож на хруст мнующихся алюминиевых банок из-под пива.

Марк вспоминает, как Алька рассказывала о пристрастии Драгана к несовершеннолетним. Назвала его тогда «чертовым лоликонщиком». Не исключено, что в этом увлечении тоже каким-то образом проявляется любовь серба к дорогим экологически чистым продуктам. Марк еще несколько секунд наблюдает за «теннисистками», потом отводит глаза и в его голове вспышками стробоскопа возникают сцены, действующие лица в которых – Драган, диван, на котором он сидит, девочки в коротких юбках. Серб тем временем говорит:

– На копов в этом деле надежды мало. Для них это одна проститутка, один дагестанец и один глухарь. Землю носом рыть не будут.

– Наверное, – пожимает плечами Марк.

– Найти того, кто убил, надо, – продолжает Драган. – Для Ильяса – это дело чести, погиб его племянник. Виновный должен ответить. Я тоже понес ущерб...

– Ущерб? – перебивает его Новопашин. – Алька погибла, а для тебя это только ущерб? На одну девчонку меньше будет работать, меньше прибыли, так, что ли?

– Драган, ты скоро? – капризным голосом спрашивает его одна из «теннисисток», шагнув к ним из своего угла.

Марк наблюдает за внезапным превращением Драгана в дракона – у него разве что не отрастают за спиной кожистые перепончатые крылья. Злым и суровым голосом он, не поворачивая головы, кидает несколько фраз, и испуганные девочки притихают в своем углу маленькими мышатами.

– А что я должен сделать? – интересуется Драган минуту спустя. – Написать ее родным трогательное письмо? В память о ней набить себе портак с ее изображением? У меня уже есть один, с мамой. Могу показать. Или все-таки хватит просто отмщения? В конце концов, – добавляет он, – это ты с ней спал, а сейчас сидишь тут и палишься на лолиток.

Он наклоняется к столу, отодвигает глянцевый журнал. На его обложке – новая женская группа, недавно записавшая глупый хит, который теперь крутят по всем радиостанциям.

– Эй! – Драган трогает Марка за плечо. – Сюда лучше посмотри.

Сюда – это туда, где только что лежал журнал, скрывавший нетолстую пачку тысячных купюр и пистолет, матово блеснувший в неярком свете.

– Оставишь себе машину, заберешь ствол и деньги – тут пятьдесят тысяч. Будет мало – попросишь у Джонни И. еще, понял? Найди убийцу. Связи в ментовке у тебя остались, попроси их там посодействовать. Действуй самостоятельно, без протокола.

– Найди его! – грустным голосом произносит веселый парень Джонни И. – Если не сможешь взять живым, вали гада на месте!

Его взгляд тяжелеет так, что Марку неприятно смотреть.

– Может, еще его голову тебе принести? – интересуется Марк.

Серб делает предостерегающий жест, и Марк умолкает. Понимает, что не сто́ит перегибать палку с людьми вроде Джонни И.

– Нужна будет помощь, любая – обращайся, – говорит Ильяс и протягивает Марку визитку, бархатистую на ощупь.

Не глядя, Марк вместе с деньгами сует визитку в карман. Чувствует, как мнется плотная дорогая бумага. Пистолет прячет под куртку, за брючный ремень, и произносит:

– Я пойду, Драган.

– Давай, – Дракон протягивает ему руку. – Держи меня в курсе. Удачи!

Джонни Ильяс со своего места поднимает раскрытую ладонь, Марк кивает.

На столе – початая бутылка «Гленфиддич Солера Резерва», которому лет больше, чем лолитам Драгана. Парят в толще воды медузы на экране телевизора, и девочки вновь разыгрались в свой компьютерный теннис.

На улице – октябрьская ночь, когда хорошо жечь костер где-нибудь в лесу, на берегу озера с лунной дорожкой, или пить молочный пу-эр на кухне под Стинга или хриплый эфир джазовой радиостанции.

Но город принимает Марка в оборот. Ствол, кэш, яд в крови, опустошенность, жажда мести.

Он садится в машину, заводит ее. Достает пачку «Лаки Страйк» с предупреждающей надписью: «Курение является причиной импотенции». Алька старалась покупать сигареты с такой надписью, говорила: «Полагаю, мне это точно не грозит».

Марк трогается с места. Едет медленно. Все расплывается из-за текущих из глаз слез, делящих лицо на три равные части.

7. Фарт

Разбудил его собственный застарелый надсадный кашель. Не открывая глаз, он приподнялся на своей постели, пытаясь откашляться. Не так-то это просто. Отсутствие лекарств, плохое питание и сырость делали свое дело. Иногда он думал, что у него туберкулез. Странно, но эта мысль его пугала и радовала одновременно.

Наконец он откашлялся и сплюнул мокроту. Протянув руку, нащупал и нажал на кнопку, включив туристический фонарь, пару месяцев назад найденный в мусорном контейнере. Теперь можно открыть глаза. Луч желтого света выхватил из плотной темноты грязные стены, высокий потолок, поломанный диван с плоским матрасом, пол со следами протечек и дверь, ведущую из подвала. Экономя батарейки, он быстро собрался, взял хозяйственную сумку, где хранил почти все свое имущество, выключил фонарик, уже на ощупь спрятал его в углу под тряпьем и надавил на тугую дверь. По истертым каменным ступеням поднялся наверх и выбрался через окно первого этажа с торца здания.

На улице было светло и прохладно, облаков не наблюдалось, день обещал быть солнечным. Запахнув свою куртку с поломанной молнией, он подвязал ее армейским ремнем и двинулся по хорошо знакомому маршруту. Отойдя от дома, как обычно, обернулся, чтобы посмотреть на него издали. Бывший двухэтажный особняк купца Грачева знавал лучшие времена. После того как его внесли в «Перечень объектов, представляющих культурную ценность» и выселили из него женский медвытрезвитель, он стоял закрытым, с заколоченными окнами и осыпающейся штукатуркой. Лестница, ведущая к парадному входу, уже лет пятнадцать как требовала ремонта. Подниматься по ней было сродни опасному аттракциону – того и гляди, на тебя обрушится накренившийся балкон второго этажа. Когда он впервые забрался в этот дом, там в нескольких местах текла крыша и не жили даже крысы. Разбросанная по подвалу и этажам отравы да листы тонкой жести, закрывающие проемы дверей и окон, – все, на что хватило денег у города. И хорошо, что жесть была такой тонкой, он сумел отогнуть один лист и проникнуть внутрь.

Выстояв с полминуты перед домом, служившим ему приютом, Матвей Сергеевич Павлов по Дровяной улице направился к набережной. По дороге ему в голову пришла мысль, что у него с домом похожая судьба. Преподаватель с тридцатилетним стажем, один из лучших специалистов по истории Санкт-Петербурга, водивший по городу зарубежные делегации, теперь, забытый всеми, живет в темном и неотапливаемом подвале.

Зарубежные делегации – если бы не они, кто знает, где бы он был сейчас. Матвей Сергеевич вспомнил, как в середине девяностых они вдвоем с коллегой из «Общества охраны памятников истории и культуры» и «Общества краеведов» устроили двухдневную экскурсию шведской группе во главе с профессором, пишущим книгу о Достоевском. Восхищенный рассказами о Петербурге русского классика, профессор пригласил их с ответным визитом в Стокгольм. Визы, билеты и проживание – за счет приглашающей стороны. Из Швеции Павлов и его коллега возвращались на пароме через Финляндию. Непогода и пронзительный ветер выгнали их с палубы, и они коротали время в каюте за бутылкой купленной в магазине «такс-фри» шведской водки. Приняв на грудь, коллега предложил Матвею Сергеевичу сходить в устроенное на пароме казино. Сыграть по маленькой. Попробовать. За столом рулетки, кроме них расположились еще три пожилых пьяненьких финна, шумно и азартно ставившие на «красное-черное». Историки присоединились к ним. Коллеге повезло меньше – а может, и больше, – кто знает. Он очень быстро проиграл свои фишки, на которые поменял последние шведские кроны с изображением Сельмы Лагерлеф, диких гусей и Нильса, и позвал Матвея Сергеевича в каюту допивать водку. Но Матвей Сергеевич, до этого не увлекавшийся даже преферансом, был в серьезном выигрыше. Интеллигентно уступив просьбам коллеги, он вернулся в каюту,

допил с ним черносмородиновый «абсолют» и лег спать. Проснувшись часа через полтора от качки, он, ведомый каким-то инстинктом, оделся и спустился в казино. Крупье за рулеткой сменился, а народу чуть прибавилось, но это не отразилось на фарте Матвея Сергеевича. С ловкостью эквилибриста балансируя между «красным» и «черным», Павлов вернул себе деньги, потраченные на поездку, и вышел в плюс. Впрочем, останься он в минусе, ничего бы не изменилось. Больше всего ему понравились не быстрые шальные деньги, а чувства, испытываемые им при ожидании того момента, когда остановится шарик, и крупье объявит результат. В Петербурге в первый же свободный вечер Матвей Сергеевич, надев парадно-выходной костюм, отправился в один из игорных клубов, которые тогда были у каждой второй станции метро. Публика в них собиралась менее респектабельная, но эмоции от этого слабее не стали. Словно по инерции, первые разы он выигрывал. Потом началась затяжная полоса неудач, изредка скрашиваемая мелкими выигрышами. С тонкостями теории вероятности он, потомственный гуманитарий, знаком не был, поэтому, играя, не надеялся ни на какую собственную изобретения систему, а рассчитывал только на фарт. Но как раз удача в тот период жизни отвернулась от него. В какой-то момент погоня за синей птицей стала наваждением. Матвей Сергеевич был бездетным вдовцом, и так случилось, что некому было поддержать его, охладить разрушительную страсть к игре. Очень скоро подошли к концу все его небольшие сбережения, он начал занимать у знакомых. Те, зная его пунктуальность и щепетильность, давали деньги охотно, с улыбкой и небрежно бросая: «Да пустяки». Несколько месяцев спустя ему перестали одалживать даже самые близкие и доверчивые, отмахиваясь от заверений лудомана и его предложений написать расписку. Кто-то в сердцах сказал ему: «Я не банк, чтобы давать займы». На следующий день Матвей Сергеевич сидел перед симпатичной улыбочивой служащей кредитного отдела одного из коммерческих банков. Он попросил потребительский кредит сразу в полмиллиона рублей на три года под безумные тридцать два процента годовых. Через неделю кредит одобрили, а еще через три недели Павлов проиграл последние деньги. Его игромания приобрела размах приватного Апокалипсиса. Внешне это было незаметно. Он приходил на работу, читал студентам лекции о Крымской войне и Первой русской революции, отвечал на их вопросы, помогал соседскому парнишке – десятикласснику с рефератом об индустриализации в России начала XX века, а где-то внутри него постоянно по кругу катался шарик, останавливающийся в гнездах напротив нужных ему цифр. В реальности все складывалось сложнее и печальнее: Матвей Сергеевич много играл, но ему фатально не везло. Итогом всего стало появление на пороге его квартиры коллекторов банка, где он взял кредит, погасить который даже не попытался. Внешнее здравомыслие подсказало решение проблемы – продать свою однушку. Это стало началом конца. Он переехал в коммуналку на Владимирском, вернув деньги банку. Продажа квартиры отрезвила его. Матвей Сергеевич начал лечиться от игровой зависимости у каких-то, как он сейчас понимал, сомнительных врачей и даже отдал часть долгов со старых времен. Сорвался он из-за пяти минут фильма Скорсезе «Казино», случайно увиденных при переключении телевизионных каналов. Чтобы раздобыть денег на игру, он предложил одному неуспевающему студенту за небольшую мзду поставить зачет. Студент пошел в деканат, Матвея Сергеевича обвинили в коррупции и уволили с работы. Оставшись без средств к существованию и к игре, бывший преподаватель переехал в меньшую по площади комнату в девятикомнатной квартире на проспекте Ветеранов. Через год или два потерял и ее, став бродягой или, если говорить без экивоков, бомжом. «Престарелый Гаврош», – спокойно, по-философски думал он про себя. Закрытие казино и точек с автоматами возле метро Матвей Сергеевич воспринял как смерть родственника. Мир, каким он был, кончился. В подпольные игорные клубы его не пускали – доходы были не те, да и тяжело сохранить презентабельный вид, ночуя в подвалах и на чердаках. Потеряв возможность играть, Матвей Сергеевич первое время испытывал почти физическую ломку, в апатии лежал в своем очередном убежище, пока чувство голода не выгоняло его на улицу. Привели в себя его двое бомжей, подвизавшихся грузчиками

на Апрашке и в свободное время, в ожидании работы, игравших в кости возле складов на задворках рынка. Попав в их компанию, Матвей Сергеевич, азартно швыряя кубики костей на кусок гофрокартона, проигрывал почти весь свой копеечный дневной заработок, далеко не всегда оставляя себе на жизнь, но стук кубиков, взгляд глаз-точек с граней и испытываемые эмоции давали ему почувствовать себя живым.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.